

Глава 4. Ранние фазы социальной эволюции

Как мы уже говорили во Введении, для более глубокого понимания хода социальной эволюции анализ надо начинать с глубинных и древнейших процессов. Если же учесть, что социальная эволюция выросла из биологической, то период антропогенеза также должен быть затронут в настоящем исследовании

1. Период антропогенеза

В антропогенезе территории, которые с какого-то времени можно относить к предмету нашего исследования – Востоку – сыграли весьма важную роль, т. к. Ближний Восток стал промежуточным пунктом между сапиентами Африки и кроманьонцами. В этом плане полезно посмотреть на сходства и различия между материальными культурами, прежде всего орудиями труда палеоантропов и гомо сапиенс, которые жили в разных регионах.

Период от 200 тыс. лет до 40 тыс. лет назад археологи часто выделяют как средний палеолит, или культуру мустье. Это время древних людей-неандертальцев и одновременного сосуществования их с *Homo sapiens sapiens*, которые длительное время жили в Африке, а затем в районе 80–60 тыс. лет назад мигрировали оттуда на Ближний Восток (Atkinson et al. 2009; Mellars 2006) и позже, 40–45 тыс. лет назад, в Европу. В этот период заметно улучшилась техника изготовления орудий труда, в частности появляются составные орудия, растет число вариантов одних и тех же основных орудий и т. п. (см., например: Tattersall 2008: 150–158; 2012: 166–173). Но, пожалуй, не менее (или даже более) заметен прогресс в духовной жизни древних людей (связанный с формированием языка). Период от 40 тыс. лет до 13–14 тыс. лет назад называют верхним палеолитом. В нем существенно выросло разнообразие орудий труда и техники. Техника стала более сложной, а сами каменные рубила – более изящными и эстетичными. Вместо отбойников стали применять технику отжима, то есть использовали предположительно костяные отжимники, которые можно было поставить в нужную точку и бить по ним сверху. Для работы использовали призматические кремневые нуклеусы, от которых можно было откалывать фактически готовые орудия. В результате получались тонкие длинные пластинки, длина которых в два раза превышала ширину. Нуклеусы зажимали между ногами или между двумя деревяшками. Это позволяло мастеру работать обеими руками.

Человек разумный в этот период еще некоторое время сосуществовал с неандертальцами, но затем вытеснил их и, вероятно, физически уничтожил. Однако произошла и некоторая метисация между сапиенсами и неандертальцами, в результате чего примерно 2 % генов современные люди унаследовали от неандертальцев.

В нижнем палеолите (до 200 тыс. лет назад) главенствовали три основные техники изготовления орудий: чопперов, то есть оббитых кусков камня, чаще – гальки; бифасов (обработанных с двух сторон ручных рубил), отщепов (культура тейяк, то есть изготовление пластинок, откалывавшихся от основного куска камня). Первая техника основывается на работе с грубо оббитой с одного конца для того, чтобы получился острый край, окатанной галькой или куском скалы. Производство чопперов, или галечных орудий, было широко распространено в Азии и Африке, но почти не получило развития в Европе. Технику, связанную с с изготовлением бифасов, или ручных рубил, орудий широкого применения, многие ученые считают следующей стадией развития чопперов. Бифасы изготавливались с помощью ретуширования или обтесывания с двух сторон куска кремня. Нужно

было стесать камень так, чтобы одна из граней стала острой (иногда грани сходились в одной точке). Традиция изготовления бифасов была распространена по всей Европе, Юго-Восточной Азии и Африке. Техника культуры тейяк, получившая на Ближнем Востоке название табунской, характеризуется отсутствием или редкостью заостренных каменных орудий. Распространение получили необработанные куски кремня. Чаще всего орудия этой культуры обнаруживают в Европе или на Ближнем Востоке. Самые ранние находки, относящиеся к этой культуре, были обнаружены в Западной Европе.

Техника среднего палеолита (от 200 тыс. до 40 тыс. лет назад), следующего за периодом нижнего палеолита, продолжала совершенствоваться. Культуры эпохи среднего палеолита обнаруживают в большинстве регионов, где до этого главенствовали производство бифасов и индустрия тейяк, но можно различить несколько местных культур, отделенных друг от друга морем или высокими горными хребтами. Орудия стали делать из кремня более высокого качества, что позволяло лучше их огранять. Они стали более легкими, аккуратными и разнообразными. На краях практически всех орудий можно обнаружить аккуратную и тонкую ретушь. Ее применяли, очевидно, для того, чтобы, во-первых, сделать края инструмента крепче и эффективнее, а во-вторых, придать ему более правильную форму. Эта вторичная обработка орудий позволила носителям среднепалеолитических культур изготавливать более качественные инструменты (см.: Анати 2008: гл. 4–6).

Табл. 4.1. Развитие орудий труда в нижнем палеолите

Этап		Время и место появления (млн лет назад)	Характерные признаки	Культуры
1		2	3	4
Нижний палеолит	Олдувай	2,6; Восточная Африка	Оббитая галька; примитивные отщепы случайной формы	Галечная
	Ашель	1,7; Восточная Африка	Орудиям начинают целенаправленно придавать форму; обоюдоострые ручные рубила (бифасы)	Ашельская
Средний палеолит		0,2; Европа, Африка, Западная и Центральная Азия	Разнообразные орудия из предварительно подготовленных отщепов, леваллуазское расщепление	Южноафриканские культуры стилбей и ховьесонспурт; мустьерская культура европейских неандертальцев
Верхний палеолит		0,04; Европа, Западная и Центральная Азия	Костяные орудия (в том числе иглы), украшения, живопись, скульптура, музыкальные инструменты	Шательперронская культура поздних неандертальцев; ориньякская культура первых европейских сапиенсов

Источник: Марков 2011а, т. 1.

2. Некоторые теоретические аспекты соотношения понятия «Восток» и ранних фаз социальной эволюции

Поскольку начало Востока связывается с появлением древнейших государств и цивилизаций, или, по крайней мере, с зарождением Мир-Системы, то есть с началом аграрной революции, имеет смысл сделать акценты на некоторых теоретических моментах в отношении Востока и социальной эволюции до этого периода.

Многолинейность и альтернативность в ранней социальной эволюции

Мы исходим из идеи, что для каждого уровня сложности социальной эволюции можно выявить определенные альтернативы развития. Разные социальные и политические фор-

мы длительное время сосуществовали, конкурировали между собой, причем для ряда особых экологических и социальных ниш немагистральные в ретроспективе линии, модели и варианты могли оказаться более конкурентоспособными и адекватными, чем те, которые впоследствии стали преобладающими. Поэтому утверждение о каком-либо неизбежном результате эволюции обычно бывает верным только в самом общем плане (и только при соблюдении определенных условий), когда его представляют как итог длительной конкуренции разных форм, их гибели, трансформаций, социального отбора, адаптации к разнообразным экологическим условиям и т. п. Но для каждого общества в отдельности такой результат мог и не быть неизбежным.

Для нас важно наличие, по нашему мнению, оснований полагать, что одинаковый уровень социополитической и культурной сложности (который позволяет разрешать одинаково трудные проблемы, стоящие перед обществами) может быть достигнут не только в различных формах, но и разными эволюционными путями. Таким образом, к одному уровню сложности системной организации можно прийти по разным траекториям развития.

Эти траектории могли возникать одновременно (причем еще до появления *Homo sapiens sapiens* [Бутовская, Файнберг 1993; Бутовская 1994; Butovskaya 2000; Butovskaya, Korotayev, Kazankov 2000]), а их количество возрастало на почти всем протяжении социокультурной эволюции (Павленко 1996: 229–251; 2000). Многообразие можно рассматривать как одну из важнейших предпосылок эволюционного процесса. Это предполагает, что переход к любому качественно более высокому уровню социокультурной сложности обычно невозможен без достаточного уровня социокультурного разнообразия на предыдущем уровне сложности (среди как предшественников данной культуры, так и ее современников)¹.

На начальном уровне анализа все эволюционное многообразие может быть сведено к двум альтернативам, которые определялись либо как «иерархические» и «неиерархические» (см., например: Bondarenko, Korotayev 2000a), либо «иерархические» и «гетерархические» (см., например: Ehrenreich *et al.* 1995; Crumley 2001).

На следующем уровне анализа дихотомия оказывается отнюдь не жесткой, поскольку в реальной организации любого общества присутствуют как вертикальные (доминирование – подчинение), так и горизонтальные (понимаемые как отношения между равными) связи. Более того, на протяжении своей истории общества (включая архаические культуры) оказываются способными радикально изменять модели социально-политической организации, трансформируясь из гомоархических в гетерархические и наоборот (Коротаев 1995a; 2006б; Коротаев, Крадин, Линша 2000; Коротаев, Клименко, Прусаков 2007; Crumley 1987: 164–165; 1995: 4; 2001; Bondarenko, Korotayev 2000c; Dozhdev 2000; Kradin 2000a; Korotayev 2020a). Возможно, наиболее известный исторический пример последнего случая – Рим, где республика была установлена и далее демократизировалась политическими победами плебса. Заметим, что в ходе таких трансформаций меняется организационная база, но общий уровень культурной сложности может не только возрасти или снизиться, но вполне способен остаться практически без изменений (например, в древности и Средневековье в Европе, в обеих Америках, Азии; см. об этом: Коротаев 1995a; 1996a; 1996б; 1997; 1998; 2000a; 2000б; 2006б; Коротаев, Клименко, Прусаков 2007; van der Vliet 1987; Ferguson 1991; Korotayev 1995a; 1996; 2020a; Levy 1995; Lynsha 1998; Beliaev 2000; Chamblee 2000: 15–35; Dozhdev 2000; Kowalewski 2000; Kradin 2000a; Гринин 2007г; 2007д; Grinin 2004b; 2004c).

Тем не менее горизонтальные и вертикальные связи в различных обществах играют разную роль в каждый конкретный момент. Уже среди приматов с одинаковым уровнем морфологического и когнитивного развития и даже среди популяций приматов одного

¹ Это можно выразить и как *правило достаточного разнообразия* (см.: Гринин, Марков, Коротаев 2008: 68–71).

вида можно наблюдать и более, и менее гетерархические/гомоархические группы. Таким образом, нелинейность социополитической эволюции возникает уже до формирования *Homo sapiens sapiens* (Бутовская, Файнберг 1993; Бутовская 1994; Butovskaya *et al.* 2000).

Начнем с самого простого уровня. Действительно, акефальные эгалитарные локальные группы встречаются среди большинства неспециализированных охотников-собирателей. Однако, как было показано Дж. Вудберном и О. Ю. Артемовой (Woodburn 1972; 1979; 1980; 1982; 1988a; 1988b; Артемова 1987; 1989; 1991; 1993; Чудинова 1981), некоторые из подобных охотников-собирателей (а именно неэгалитарные, к которым относятся прежде всего австралийские аборигены; см. также: Ven 1979) демонстрируют принципиально отличный тип социально-политической организации со значительно более структурированным политическим лидерством, сконцентрированным в руках иерархически организованных старших мужчин, с явно выраженным неравенством как между мужчинами и женщинами, так и среди самих мужчин².

На следующем уровне политической сложности мы снова находим общины как с иерархической, так и с неиерархической политической организацией. Можно вспомнить, например, хорошо известные различия между индейцами северо-запада и юго-востока Калифорнии:

Калифорнийские вожди находились как бы в центре экономической жизни общества, они осуществляли контроль над производством, распределением и обменом общественного продукта... Власть вождя и старейшин постепенно приобретала наследственный характер, что со временем стало типичным явлением для Калифорнии... Только у племен, населявших северо-запад Калифорнии, несмотря на сравнительно развитую и сложную материальную культуру, отсутствовали характерные для остальной Калифорнии четко выраженные социальные роли вождя. Вместе с тем только здесь было известно рабство... Население этого региона имело представление о личном богатстве... Социальный статус человека прямо зависел от количества находившихся в его распоряжении... материальных ценностей... (Кабо 1986: 180).

Здесь можно вспомнить и социокультурно сложные общины ифугао Филиппин (см., например: Barton 1922; Мешков 1982: 183–197), где не было четко выраженного авторитарного политического лидерства, которые находятся в резком контрасте, скажем, с сопоставимыми по уровню общей социокультурной сложности общинами индейцев северо-западного побережья Северной Америки.

Таким образом, уже на уровне общин с элементарной и средней социокультурной сложностью мы наблюдаем несколько типов альтернативных политических форм, каждую из которых следует обозначать особым термином. Возможные альтернативы вождествам в неолитической Юго-Западной Азии, неиерархические системы сложных акефальных общин с выраженной автономией малосемейных домохозяйств были проанализированы Ю. Е. Березкиным, который обоснованно предлагает апатани в качестве этнографической параллели (Березкин 1995; Berezkin 1995; 2000). С. А. Французов находит еще более развитый пример подобного рода политий на юге Аравии в вадии Хадрамаут I тыс. до н. э. (Frantsouzoff 1995; 1997; 2000; Французов 2000).

² Дж. Вудберн и О. Ю. Артемова оперируют почти исключительно примерами «неэгалитарных» австралийских аборигенов и аналогичных им по уровню социокультурной сложности «эгалитарных» народов Африки (хадза, бушменов, пигмеев). Однако материалы по ряду обществ других континентов подтверждают, что организация культур одной и той же степени сложности как на гетерархических, так и на гомоархических принципах присуща человечеству начиная с типологически наиболее ранних социумов. Особенно показательны в этом отношении примеры народов, проживающих в одном и том же культурном ареале и имеющих схожие виды хозяйственной деятельности, в частности рыболовов Дальнего Востока – «эгалитарных» ительменов и «неэгалитарных» нанайцев (Крашенинников 1949; Лопатин 1922; также см.: Сем 1959; Смоляк 1970; Крушанов 1990; Шнирельман 1993; Shnirelman 1994; Орлова 1999; Булгакова 2001; 2002; Березницкий 2003; Володин 2003).

Один из авторов данной монографии отмечал (Гринин 2007г; 2011), что в качестве политической организации, альтернативной вождеству, по всей видимости, могут рассматриваться и некоторые межплеменные тайные союзы (см., например: Куббель 1988а: 241), а также, скажем, сложные системы возрастных классов, которые позволяли создать прочные горизонтальные связи между отдельными общинами внутри племени и между родственными племенами (о роли такой возрастной системы у некоторых племен нага в горной Северо-Восточной Индии см., например: Маретина 1995: 83; см. также: Калиновская 1976; ван Геннеп 2002 [1909] и т. д.).

В качестве аналога вождества можно рассматривать и организовавшиеся группы и даже племена из различного рода отщепенцев, авантюристов, вольнолюбцев или преступников, не признающих официальной власти, любителей легкой наживы и тому подобных людей (см.: Гринин 2007г; 2011). Нередко такие имеющие вооружение сообщества создавались в противовес крепнущей официальной власти нового государства. «Эта выделившаяся часть населения, не признающая законов, вследствие свободы от всякого стеснения законом и установления каких-либо отношений к своему племени, а также и уважения, какое питают к нему самые смелые и наиболее неимущие из соседних племен, часто приобретает большую силу» (Ратцель 1902, т. 1: 445).

Еще одной очевидной альтернативой вождеству выступает племя.

Племя, как известно, было практически исключено из ряда эволюционных моделей (Carneiro 1987: 760; Townsend 1985: 146). Тем не менее политические формы, полностью идентичные тем, что Э. Сервис описывал как племя, на самом деле можно найти, скажем, на Среднем Востоке в Средние века или Новое время (вплоть до наших дней): эти племенные системы обычно состоят из нескольких общин и часто имеют тип политического лидерства, полностью идентичный тому, что был описан Э. Сервисом в качестве типичного для племени (Dresch 1984: 39, 41; Service 1971 [1962]: 103–104). О вождестве и племени мы еще скажем ниже (см. также Гринин, Коротаев 2012; Grinin, Korotayev 2011; 2019). Подробнее об аналогах вождеств см., например: Гринин, Коротаев 2019а).

3. Домирсистемный период и социальная эволюция

Сам термин «Мир-Система», по нашему мнению, дает возможность рассматривать его в двух аспектах: соответственно «Мира» и «Системы», при этом оба аспекта теснейше связаны с социальной макроэволюцией. Аспект «Мира» означает анализ актуальных пространств и элементов структуры, а также фактического историко-временного развития. Соответственно, этот аспект более фактологический, осязаемый, проверяемый. Но сами по себе факты, как известно, могут быть интерпретированы по-разному, а часто просто не укладываются в интерпретацию. Второй аспект («Система») дает возможность рассматривать этот историко-географический и культурный комплекс (как и его трансформации) в системном плане, то есть в плане соотношения частей и целого; центров и периферий; смены центров и борьбы крупных частей за гегемонию; взаимоотношения различных трендов развития в их взаимосвязи в единой системе; функционирования системы и отдельных ее специализированных частей; усложнения системы и подсистем, появления новых системных связей и несистемных явлений и т. д.

Важнейшим вопросом в связи с вышесказанным становится определение периода, с которого уже можно реально говорить о Мир-Системе. Мы считаем, что аграрная революция в Западной Азии оказалась рубежом, который позволяет фактически в определенном смысле разделить всю социальную макроэволюцию на домирсистемный и мирсистемный периоды (о чем пойдет речь дальше).

Однако следует поставить вопрос и несколько по-другому: можно ли считать, что до начала формирования Мир-Системы существовали только минисистемы (по Валлерстайну), или же реально говорить о существовании в верхнем палеолите и мезолите пер-

вобытных мир-систем более высокого уровня развития? Вопрос этот совсем не риторический, поскольку наличие такой реальной первобытной этнографической крупной системы, как австралийская³, вполне позволяет предполагать, что подобные широкие культурные системы могли существовать на большой территории и в палеолите. Тем более следует принять во внимание то обстоятельство, что ряд палеолитических культур имеет большой ареал распространения (см., например: Григорьев 1969б: 215), сравнимый с австралийским. Уже сам хозяйственный тип доаграрной эпохи в известной мере мог способствовать созданию таких крупных систем, поскольку охотники требуют для своего воспроизводства больших территорий, которые они, к тому же, нередко должны время от времени или достаточно регулярно менять⁴. Мы, однако, считаем, что ни тот, ни другой вариант ответа не является удовлетворительным. Общая наша идея заключается в том, что, с одной стороны, и для периода доаграрной революции можно говорить о крупных надсоциумных системах; но с другой – эти системы неправомерно называть мир-системами. Ниже мы объясним, почему они не могут считаться мир-системами и к какому типу пространственно-временных группировок социумов их можно отнести.

Теперь же стоит остановиться на вопросе о том, действительно ли такие достаточно крупные и устойчивые надсоциумные группировки существовали. Конечно, идея о сильной разобщенности социумов присваивающей первобытности, о наличии там только минисистем, по Валлерстайну, не является неверной; мало того, в целом она вполне правильная. Именно тем, что общества присваивающего хозяйства представляли собой огромный мир в высокой степени изолированных социумов, и определялся очень медленный темп и очень нечеткий «вектор» социального развития в доаграрную эпоху. Как пишет, например, В. Д. Жигунин (1984: 11) «тотальность периодизации первобытного строя – это только иллюзия». Ведь первобытные общества почти не связаны друг с другом, особенно на ранних этапах формации. «Рядом с иллюзорной тотальностью первобытной эпохи мы имеем вполне реальное бытие отдельных маленьких общностей. Каждая из этих общностей проходит свои фазы развития...» (Там же). Но все же говорить о полной разобщенности первобытного мира невозможно. Имеются многочисленные археологические, палеолингвистические и иные данные о культурно-информационных и материально-обменных контактах уже в верхнем палеолите на достаточно больших пространствах, насчитывающих сотни и даже тысячи километров. Таким образом, археологические культуры верхнего палеолита, в целом были весьма обширны (см., например: Григорьев 1969б: 214). При этом нередко находящиеся географически близко культуры палеолита различаются сильнее, чем располагающиеся за тысячи километров друг от друга. Например, «индустрия западного и восточного ориньяка на огромной территории, от Франции до Дона, ближе, чем индустрия западного ориньяка, шательперрона и перигора, существующие практически на одной территории и в одних и тех же условиях» (Долуханов 1979: 82). Автор цитаты склоняется к совершенно, на наш взгляд, верной мысли, что «эти различия отражают особенности в сфере культуры (традиций, верований, знаний) групп первобытного населения» (Долуханов 1979: 82). В частности, фигурки палеолитических «Венер» периода порядка 20 000 лет назад обнаружены на огромном пространстве, от Пиренеев до Дона (Champion *et al.* 1984: 81; Gamble 1986; Gvozdover 1989; Christian 2004: 197; Soffer, Adovasio, Hyland 2000) и даже Сибири (Okladnikov 1990).

³ Тем более, что в ее рамках наблюдалась не только культурная коммуникация, но и примитивная хозяйственная специализация и обмен на этой почве (см., например: Бутинов 1960: 113, 119).

⁴ И даже напротив: при переходе к земледелию, когда поселения стали оседлыми, а объем хозяйственно необходимой территории резко сократился, потребность в интеграции могла даже временно ослабнуть, а изолированность частично и возрасти (см., например, применительно к Северо-Востоку США: Chase-Dunn, Hall 1999; Chase-Dunn *et al.* 2006: 117–118).

Наиболее интересными в этом плане являются факты обмена теми или иными вещами и даже орудиями труда и сырьем/полуфабрикатами для их изготовления. Например, морские раковины с берегов Средиземного моря обнаружены в верхнепалеолитических стоянках Германии, черноморские раковины – в Мезенском поселении на Десне за 600 км от моря и т.д. (см., например: Кларк 1953; Румянцев 1987: 170–171). По мнению В. П. Алексеева, обмен между отдельными хозяйственными коллективами возник, очевидно, на самых ранних этапах истории (Алексеев 1984: 373). В. М. Массон также указывает, что обмен сырьем и украшениями имел место уже в верхнем палеолите (1973: 79). Археологические данные определенно свидетельствуют, что в Европе, Азии и Африке на верхнепалеолитических стоянках имеется немало предметов неместного происхождения, нередко при этом из довольно отдаленных для этого времени мест. Главным образом, это были кремь, сланец, обсидиан, лазурит, янтарь, морские раковины и ряд других подобных предметов (Кларк 1953; Румянцев 1987: 170; Webb 1974). Подобные факты обмена ценными материалами, особенно охрой, добываемой в Западной Австралии, в древний период австралийской истории приводят австралийские исследователи (Mulvaney, Kamminga 1999: 28–31; см. также: Christian 2004: 197).

Уже в конце палеолита и мезолите обмен различными вещами и материалами в некоторых случаях мог играть существенную роль. Например, на территории Индостана, по данным, приводимым А. Я. Щетенко, такой обмен в мезолитических обществах присваивающего хозяйства носил сложный характер: «Мезолитические поселения, удаленные от основных источников сырья, получали его путем опосредованного обмена из различных мастерских по добыче камня, поэтому в некоторых контактных зонах существовали орудия, изготовленные из материалов всех перечисленных выше зон (зона кремня и кремнистого сланца; зона агата, халцедона и яшмы; зона сланца и кварцита. – *Авт.*)» (Щетенко 1977: 125; 1979: 71–74).

Таким образом, уже применительно к эпохам верхнего палеолита и мезолита в ряде случаев можно говорить о наличии отдельных сосуществующих (локальных, региональных) надсоциумных пространственно-временных группировок (по крайней мере, в качестве гипотезы). Почему, однако, нельзя говорить о доаграрных мир-системах? Нам представляется, что у такого рода пространственно-временных группировок не хватало именно системности. То единство, которое наблюдается в этнографических надсоциумных пространственно-временных группировках типа австралийской (иногда достаточно тесное), основывается на единстве происхождения и культуры (об австралийцах в этом плане см., в частности: Берндт, Р. М., Берндт, К. Х. 1981; Роуз 1981; Элькин 1952; Артемова 1987, 2000; Белков 2000)⁵. Экономические, политические и иные связи между неблизкими по культуре и языку социумами были крайне слабы. И в этом плане мир присваивающей экономики в самом деле сильно разобщен. В нашем представлении, мир-система должна включать в себя именно неблизкие, неродственные социумы, иначе системность сводится к родству. Поэтому такие достаточно крупные надсоциумные группировки мы предложили бы назвать **мир-культурами**⁶. Возможно, как исключение в отдельных случаях могли появиться и палеолитические мир-экономики (особенно если существовал обмен сырьем для производства орудий труда).

⁵ По характеристике некоторых исследователей, такие близкие по культуре доаграрные социумы образовывали так называемые соплеменности, то есть группы контактирующих близкородственных племен (см., например: Арутюнов 1982; Шнирельман 1982). В таких соплеменностях часто наличествует языковая (и культурная) непрерывность, когда близкие друг к другу общины понимают друг друга, цепочка понимания идет все дальше, но отдаленные друг от друга общины уже могут не понимать язык друг друга. К слову сказать, ситуация, несколько напоминающая непрерывность изменений в популяциях в рамках одного вида животных, когда все соседние популяции могут иметь потомство между собой, а крайние популяции иногда уже нет (см.: Яблоков, Юсуфов 2004).

⁶ Отметим, что это перекликается и с употреблением понятия «культура» среди археологов.

Неравномерность социальной эволюции в разных обществах. Второе обстоятельство, не позволяющее говорить о мир-системах в палеолите, заключается в том, что мир-системы, в нашем понимании, должны включать в себя очень разноуровневые (с точки зрения как экономики, так и социокультурной сложности) общества. С появлением сельского хозяйства и началом формирования первичной Мир-Системы на Ближнем Востоке (как, впрочем, и в Новом Свете) сосуществующими оказались как минимум уже аграрные и доаграрные общества, то есть общества разных стадий экономико-технологического развития. В первобытных присваивающих обществах, конечно, также существовала определенная неравномерность развития, однако разрыв не мог достигать таких размеров.

Самой большой сложностью в изучении первобытности остается недостаток сведений. Это вызывает к жизни массу гипотез, иногда очень остроумных, однако не заменяющих точные знания. По археологическим данным частично восстановить характер производительных сил возможно, но без связи их с общественными отношениями многое непонятно. Кроме того, археологические находки фрагментарны и далеко не всегда толкуются однозначно. Факты этнографии исключительно важны, но не все из жизни таких народов можно переносить на древность: немало наблюдаемых племен либо уже столкнулись с более развитыми обществами, либо прежде знали лучшие времена, поэтому имеют остатки более высокой культуры.

Можно предположить, что большинство коллективов, обретая социальность, при благоприятных природных условиях застревало на достигнутом, поскольку потребности в каком-либо прогрессе не было. Но, без сомнения, в течение долгих тысячелетий немало обществ двигалось дальше и расцветало, а затем по разным причинам происходила остановка в развитии, деградация или уничтожение. По-видимому, одно и то же открывали много раз в разных местах. Историческая память была очень слабой, уровень контактов тоже, достижения закреплялись медленно. И все же бесконечные эпизоды подъема и упадка, бесчисленные переселения, появления и смерти протозтносов, приспособление тысяч первобытных орд и племен на протяжении десятков тысяч лет в конце концов привели к заселению огромных территорий и появлению первых очагов земледелия. Таким образом, даже подобия линейного движения не было, также неизвестны и общества-первопроходцы, а потому наметить ведущую линию сложнее, чем для периодов, известных исторически, и она носит более гипотетический характер.

Л. А. Файнберг задает вопрос: «Насколько древним является такое разнообразие социальных форм? Существовало ли оно в каменном веке или же характерно только для современных отсталых этнографических групп, в течение длительного времени живших и развивавшихся на периферии классовых обществ и находившихся под их влиянием или составивших устойчивые изоляты?» (Файнберг 1975: 64). Думается, что неравномерность характерна для всех эпох. Не является исключением и палеолит (о проблеме неравномерности развития в этот период см., в частности: Григорьев 1969а: 222; Величко, Гвоздовер 1969: 236–237; Гринин 2001: 38–58). Однако чем дальше развивается человечество, тем больше разрыв между самыми социокультурно сложными системами и самыми социокультурно простыми. Но во все времена число обществ «ординарных» было гораздо больше, чем «неординарных». В частности, только небольшое меньшинство палеолитических стоянок содержит остатки произведений искусства, при этом они концентрируются в сравнительно ограниченных зонах (см., например: Формозов 1970: 194; Григорьев 1970; Soffer 1985; Gvozdover 1995; см. также: Буровский 2012). Неслучайно статуэтки из камня и кости и предметы с орнаментом в европейской части СССР найдены только на 33 стоянках из известных 700 позднепалеолитических местонахождений, а серии таких предметов встречаются еще реже (Авдусин 1977: 36). Зато на некоторых стоянках, таких как Сунгирь (Там же: 39), находок, свидетельствующих о высоком развитии духовно-символической культуры, обнаружено очень много (тысячи предметов, например бусинок). Уникальна в подобном плане и мальгинская культура в бассейне Ангары, где

найден очень большое количество женских статуэток и уникальных фигурок птиц (Григорьев 1970: 50–53; Абрамова 1970: 83–84; Напольских 1991). Известны также памятники с более быстрой сменой типов каменных орудий, чем в других культурах. Так, в развитии перигордийской культуры во Франции за период от XXII тыс. до XVIII тыс. лет назад выделяют шесть или даже семь этапов, каждый из которых заметно отличается от последующего и предыдущего набором каменных орудий (Григорьев 1969б: 213)⁷.

Мало того, прорыв отдельных палеолитических обществ вперед не был прочным и обычно вел в эволюционный тупик. В частности, как можно оценить с точки зрения восходящей макроэволюции мезолитический переход от коллективов частично оседлых обществ охотников на крупного зверя к более мелким, непрочным бродячим группам охотников на средних и мелких животных⁸? В самом деле, прогресс здесь довольно относителен. В аспекте ретроспективном, а также в смысле возможностей людей приспосабливаться и выживать в условиях резкой смены климата и природной среды, в плане изобретения некоторых новых орудий труда (таких как лук), конечно, это был большой шаг вперед. Однако в плане сложности коллективов, духовной культуры и ряда других характеристик здесь труднее говорить об ароморфной эволюции, более того, здесь прослеживаются и определенные дегенерационные составляющие. Можно привести характерный пример дегенерации «изобразительного искусства», уровень которого у ряда палеолитических культур был выше, чем у мезо- и неолитических⁹. Так, например, «во Франции в конце палеолита, в период мадлена, появились полихромные росписи (в пещерах. – *Авт.*) с применением красной, желтой и черной красок. Иногда с помощью цвета художники умели передать даже объем фигур... Но в последующие эпохи достижения мадленцев развития не получили. Мезолитические, неолитические и более поздние росписи – плоскостные и монохромные» (Формозов 1987: 22–23). «Кроме росписей и гравировок, в палеолите были и барельефы, глиняные и каменные (Лоссель, Ла Мадален, Ле Рок). В мезолите и неолите их нет. Наскальные барельефы характерны уже для классового общества, для

⁷ О неравномерности развития свидетельствуют и различия в размерах палеолитических поселений. Число жилищ на многих верхнепалеолитических стоянках, согласно археологическим сведениям, колебалось от 1 до 6; соответственно число их обитателей могло колебаться от 6–7 до 30–70 человек, также и сами жилища нередко сильно отличались по размерам (Бадер 1976: 129; Борисковский 1984а: 355; Рогачев, Аникович 1984: 191 и др.; Абрамова 1984: 328; Борисковский 1989; Деревянко и др. 1994: 217–221). Существовали и более крупные поселения. Плотность населения также сильно варьировалась. Например, население района Ком-Омбо (в Египте) насчитывало не менее 250 человек при одной из самых высоких плотностей населения верхнего палеолита (1 человек на 2,6 км²). Люди здесь, по-видимому, были одними из первых, кто в довольно широких масштабах практиковал сбор дикорастущих злаковых (см.: Файнберг 1986: 185). В других местах плотность населения равнялась одному человеку на десятки км². Все это, однако, слабо сопоставимо с гетерогенностью, скажем, сложных аграрных обществ, где та же численность населения разных поселений могла варьировать от единиц до сотен тысяч (то есть уровень гетерогенности вырастает на порядки). По некоторым данным, средняя плотность населения в доаграрную эпоху составляла 0,1 человек на 1 км² земной суши (см., например: Андрианов 1978: 21). И еще в XVII в. у юкагиров, по данным Б. О. Долгих, на 1 человека приходилось в среднем до 200–300 км² (Там же: 22). Примерно так же дело обстояло и у охотников-тунгусов (см.: Долгих 1960: 15). А согласно расчетам Д. Кристиана (Christian 2004: 198), средняя плотность населения 10 тыс. лет до н.э. составляла 1 человек на 25 км² (то есть еще меньше, чем по оценкам Андрианова – 0,04 человека на 1 км²).

⁸ Об этом переходе см., в частности: Марков 1979: 51; Чайлд 1949: 40; Придо 1979: 69; Авдусин 1989: 47; об изменении климата в этот период см.: Ясаманов 1985: 202–204; Короновский, Якушова 1991: 404–406. Оседлость части палеолитических охотников-собирателей, разумеется, надо понимать как весьма относительную, поскольку они обычно имели какое-то число сезонных перекочевок, так что в течение года они могли переходить несколько раз из лагеря в лагерь. Частичная оседлость охотников в чем-то могла напоминать ситуацию при некоторых видах отгонного скотоводства, когда люди часть года жили в относительно постоянном поселении, но речь не идет о круглогодичной оседлости. Поэтому о социумах палеолита можно говорить лишь как о более оседлых, чем многие мезолитические охотничьи социумы, перекочевки которых в целом были более частыми, жилища – менее постоянными, а группы – меньшими по размерам (см., например: Soffer 1985; де Лаат 2003; о палеолитических жилищах см. подробнее: Деревянко и др. 1994: 217–221). Но и среди земледельцев, кстати говоря, также было много социумов, с той или иной регулярностью менявших место жительства (при переломе, подсечном земледелии и т.п.). Так, В. О. Ключевский говорил о русском крестьянине еще начала XVI в., что он был по натуре кочевником.

⁹ Хотя по этому поводу высказываются и иные мнения (см., например: Куценков 2008).

древнейших государств Египта и Передней Азии» (Формозов 1987: 79; Куценков 2008). «Блеск искусства последней ледниковой эпохи, столь ярко просиявшего на ранних стадиях развития человечества и исчезнувшего без следа, является одной из крупнейших загадок мировой археологии» (Дервянко и др. 1994: 229).

Следовательно, при благоприятной природной среде и длительной стабильности многие общества верхнего палеолита могли в гораздо более короткий срок, чем остальные, достигать очень высокого уровня развития в тех или иных направлениях (свидетельство тому – живопись и искусство, ранние памятники высокоспециализированного собирательства и т. п.). Однако в большинстве случаев такие достижения не сохранялись, а при изменении благоприятных условий общества откатывались назад по шкале их социокультурной сложности. Поэтому ход эволюции был мучительно долгим, и поэтому же выстроить какие-то четкие линии развития человеческих сообществ для этого периода крайне сложно.

Таким образом, налицо следующие отличия межобщественных систем аграрного от доаграрного периода: а) вторые имели в качестве основных параметров географической разброс и определенную культурную вариативность; а аграрные (и особенно цивилизационные) приобрели еще и на порядки более значимый разброс по шкале социокультурной сложности, когда в мир-систему входят общества с принципиально разными уровнями развития. В доаграрных мир-системах такой разброс был существенно меньшим; б) для доаграрных межобщественных систем можно говорить о так называемой этнической, языковой и культурной непрерывности (см. о ней, например: Арутюнов 1982: 55–82), то есть в целом о большей культурной (этнической и языковой) близости, чем в аграрных (и в особенности в сложных аграрных обществах), где связи уже в основном имеют место не на «родственной» основе (даже в чем-то похожая на «родственную» этнокультурная основа является важнейшей только для некоторых частей мир-системы, типа эллинских городов-колоний); в) в Мир-Системе, несмотря на все частичные и региональные откаты, степень сохранения достижений и особенно степень их распространения была на порядки выше, чем в период присваивающего хозяйства (= «домирсистемный» период).

Разумеется, при большом желании можно считать указанные доаграрные мир-культуры мир-системами подобно тому, как И. Валлерстайн рассматривает первобытные минисистемы именно как разновидность мир-систем. Но и при таком подходе в любом случае можно говорить о наличии только очень примитивных и типологически ограниченных мир-систем доаграрного периода. Тут ситуация принципиально похожа на соотношение понятий власти и государства (первая была всегда, второе появляется только в определенный период); этничности и этносов (если об этничности все же можно говорить в доаграрную эпоху, то об этносах – гораздо сложнее)¹⁰. Но мы полагаем, что доаграрные межобщественные и надобщественные системы не вполне продуктивно считать мир-системами (поскольку системность в них была выражена существенно слабее как в самих структурных единицах, так и в отношениях между ними), а лучше рассматривать как мир-культуры. Соответственно в некоторых отношениях имеет смысл всю историю делить на домирсистемный и мир-системный периоды.

4. Охотничье-собирательский принцип производства

Развитие производительных сил

Из-за скудости сведений о первобытности этапы охотничье-собирательского принципа производства наиболее продуктивно связывать с качественными рубежами приспособле-

¹⁰ В целом вопросы о соотношении этносов и этничности очень спорные. См., в частности: Бромлей 1983: 47–48; Крюков 1989; Заринов 1997; Семенов 1996: 33. Мнение одного из авторов монографии – см.: Гринин 1997–2001 [5/97], 2003a: 250, 2006a.

ния к природе и овладения ею (которые можно рассматривать также в качестве своего рода фазовых переходов в рамках окончательного становления социальной макроэволюции). Нельзя не учитывать, что размеры коллективов, орудия труда, способы хозяйствования, образ жизни – словом, почти все в очень высокой степени зависело от окружающих природных условий. Если этапы соотносить также с крупными изменениями в природных условиях, появляется возможность привязаться к абсолютной хронологии в общечеловеческом масштабе. Это тем более обоснованно, что в соответствии с предлагаемой концепцией часть географической среды должна (в теоретической модели) рассматриваться как органическая часть системы производительных сил, причем системная роль природных компонентов в общей системе производительных сил тем важнее, чем слабее их техническая часть (см.: Гринин 1996, 2000, 2003а, 2006к). Такие подходы, хотя и недостаточно развитые, уже давно пробивают себе дорогу (см., например: Ким 1981: 13; Данилова 1981: 119; Анучин 1982: 325; Кульпин 1990, 1996).

Исходя из вышепредставленной теоретической установки, **первый** этап охотничье-собираетельского принципа производства можно связать с появлением собственно человеческой культуры и созданием хотя и примитивных, но уже социальных производительных сил. В этот период имелось уже более ста типов орудий (Борисковский 1980: 180). Люди проникают в различные части ойкумены, например Сибирь, первоначальное заселение которой, возможно, происходило «широким фронтом» с Южного Урала, из Казахстана и Центральной Азии (см., например: Мочанов 1977). **Второй** этап (примерно и очень условно 30 тыс. лет назад – 23 (20) тыс. лет назад) привел к почти полному преодолению того, что можно назвать остаточным противоречием антропогенеза: между биологическими и социальными регуляторами жизнедеятельности¹¹. Этот этап связан с интенсивным расселением людей и освоением удобных для жизни мест, в том числе заселением Сибири (Долуханов 1977: 108) и, нельзя полностью исключить, некоторых областей Нового Света (Зубов 1963: 50; 2002; Сергеева 1983), хотя тут датировки очень разбросаны (см., например: Мочанов 1977: 254; Сергеева 1983; Березкин 2007а, 2007б). Но насколько бы ни была хронологическая датировка этого этапа условной (так как привязаться к чему-либо тут сложно), главное в характеристике этого этапа – появление необходимого разнообразия первичных человеческих культур, что явилось важнейшей предпосылкой как для разнообразных социокультурных адаптаций, так и для появления на базе этих адаптаций новых ароматных инноваций и столь широкого расселения людей, что резкие изменения климата уже не могли в одинаково сильной степени повлиять на всё человечество в целом (а следовательно, и не были столь фатальны).

Третий этап продолжался до 18–16 тыс. л.н. На это время приходится период максимального похолодания планетарного масштаба за всю геологическую историю развития Земли¹². И хотя это было далеко не первое оледенение, но в этот раз люди уже имели достаточный уровень развития производительных сил и социальности, чтобы часть коллективов смогла не только выжить в более суровых условиях, но даже благоденствовать на базе получения некоторого излишка продукции. Огромные изменения происходят в разнообразии и количестве орудий труда (Чубаров 1991: 94). Именно в это время появляются зоны быстрой смены типов и наборов каменных инструментов, например во Франции (Григорьев 1969б: 213), а в Леванте (18 тыс. л.н.) появляются микролиты (Долуханов 1979: 93). Это свидетельствует о совершении второго этапа описанной выше

¹¹ Это остаточное противоречие проявлялось в том числе в расогенезе (Ярыгин и др. 1999, кн. 2; Алексеев 1986; интересные примеры биологических адаптаций приведены в частности у Г. Спенсера [1899, т. 1]).

¹² Во время последней ледниковой эпохи (так называемый Вюрм III), которому в Европейской России соответствует Осташковское, или Поздневалдайское, оледенение. Максимум оледенения и похолодания приходился примерно на период 20–17 тыс. лет назад, температуры в среднем упали более чем на 5 градусов (см.: Величко 1989: 13–15; см. также: Любин 1970: 25).

«протопроизводственной» (сапиентной, «верхнепалеолитической») революции. В течение этого и следующего **четвертого** этапа – примерно 17–14 (18–15) тыс. л.н. – степень приспособления к изменяющимся природным условиям сильно возрастает. Там, где не было катастрофического похолодания, появлялись также интенсивные собиратели (Холл 1986: 201; Харлан 1986: 200).

Пятый этап – 14–11 (15–12) тыс. л.н., то есть конец палеолита – начало мезолита (Файнберг 1986: 130) – можно связать с началом отступления ледников и сильным изменением климата (Ясаманов 1985: 202–204; Короновский, Якушова 1991: 404–406). В результате этого потепления и изменения ландшафтов крупных млекопитающих стало меньше. Поэтому на этом и следующем этапах в ряде районов происходил переход к индивидуальной охоте (Марков 1979: 51; Чайлд 1949: 40). Появились технические средства (лук, копье-металка, ловушки, сети, гарпуны, топоры и т.п.) для поддержания автономного существования более мелких групп и даже отдельных семей (Марков 1979: 51; Придо 1979: 69; Авдусин 1989: 47). Возникло или приобрело важное значение рыболовство на реках и озерах (Матюшин 1972).

Шестой этап (примерно 12–10 (11–9) тыс. л.н.) также связан с продолжающимися потеплением климата, изменениями природной среды и переходом в конце его к голоцену (Хотинский 1989: 39, 43 [а в археологической периодизации – к неолиту, который связан с большим прогрессом в технике обработки камня]). Отсюда открывался путь к новому, аграрно-ремесленному принципу производства. Особенно интересны в этом плане народы – собиратели урожая как потенциально более ароморфно-перспективная ветвь развития. Такое собирательство может быть очень продуктивным (см., например: Липс 1954; Антонов 1982: 129; Шнирельман 1989а: 295–296).

Характеристика основных институтов обществ охотничье-собирательского принципа производства

Ведущее противоречие. Все еще существует мнение, что ведущим противоречием охотничье-собирательского общества было противоречие между жизненно необходимыми потребностями первобытных людей и низким уровнем развития производительных сил. Однако мысль о том, что первобытные люди были вечно голодными и занимались только поисками пищи, в целом неверна. Конечно, природа порой могла быть жестока с людьми и социумами, но часто она бывала и щедрой. При этом если добытого хватало на последующие дни, то никто и не спешил продолжать «работу».

Полевые же исследования этнографов при изучении существовавших в XIX и XX вв. групп охотников и собирателей показывают, что даже не в самой изобильной местности они уже настолько приспособились к окружающей природе, что в **среднем** могли трудиться не более нескольких часов в сутки. Конечно, трудовая нагрузка в течение года распределялась очень неравномерно (см.: Sahlins 1972; Салинз 1999: 19–52; Геллнер 1991: 241; Иди 1977: 29; Кабо 1986: 237). Иногда требовались большие усилия в течение нескольких дней или даже недель (особенно при сезонных миграциях животных или рыбы, сборе дикорастущего урожая и т. п.). А затем могли быть недели и даже месяцы безделья. Нагрузка женщин, занятых собирательством, приготовлением пищи и рукоделием, обычно была более равномерной. В 50-е – 60-е гг. прошлого века разными этнографами об этом было собрано много фактов (см.: Sahlins 1972; Harris 1977: 179). М. Салинз называл такие социумы *обществами первобытного изобилия* (Sahlins 1972; Салинз 1999).

Конечно, современные первобытные народы могли отличаться по степени приспособленности к природным условиям от доисторических. Но думается, что такая экстраполяция вполне оправданна, поскольку наблюдения за самыми разными условиями в це-

лом подтверждают сказанное. Археологические раскопки также говорят о достаточно продуктивных занятиях и аналогичных описанным приспособлениях.

Поэтому **ведущим противоречием этого принципа производства** следует считать **противоречие между возможностью добывать («производить») больше благ и отсутствием стимулов для этого**. Иными словами, «производитель» может, но не считает нужным добывать блага в количестве, превышающем обычные потребности и общественные нужды. Он не стремится к постоянному накоплению пищи и других благ.

Это объяснялось ограниченными возможностями для хранения, транспортировки и обмена, которые ставили жесткие преграды для накопления, а сложившиеся на этой материальной базе общественные отношения строго ориентировали людей на беззаботность в отношении накопления и необходимость делиться с сородичами. Последний момент, впрочем, можно рассматривать как особого рода «инвестиции» на черный день (наиболее реальные и разумные в тех условиях), поскольку в случае неудачи на охоте человек мог рассчитывать на помощь сородичей.

Конечно, амплитуда различий в этом плане у разных племен была очень большой. Но в целом можно суммировать некоторые причины, по которым первобытные люди считали накопление бессмыслицей.

1. Многие коллективы не умели по-настоящему и надолго запастись пищей, тем более что во влажном климате все гниет, портится, уничтожается насекомыми и т. п. К тому же если отсутствовала сезонность, то и запастись много не было резона: свежее мясо всегда предпочитают «консервам». Даже на севере мясо или рыба обычно не хранятся слишком долго. Да в этом и нет особой нужды, запасы нужны лишь до нового заготовительного сезона¹³.

2. При перекочевках лишний груз был в тягость, тем более если учесть, что женщины должны были нести детей.

3. Внутренняя потребность общества в накоплении отсутствовала, а обмен с другими был редким и слабым.

4. Общество не одобряло жадности и стяжательства, напротив, поощряло щедрость, а обычаи требовали делиться.

Итак, ограниченные возможности для хранения, транспортировки и обмена ставили жесткие преграды для накопления, а сложившиеся на этой материальной базе общественные отношения строго ориентировали людей на беззаботность, «нестяжательство» и необходимость делиться с сородичами. Все вместе лишало их стимулов к накоплению благ.

На этапе зрелости общества обычно находят эффективные пути институционализации основного противоречия. В данном случае можно сказать, что блага, которые производитель отдает гостям, родственникам, соплеменникам, как бы обмениваются на престиж и соответственно более высокий статус, который приобретают наиболее удачливые добытчики.

Пока ведущее противоречие еще не стало источником системных кризисов, главное в нем, условно говоря, его **технический аспект**, то есть действие его в первую очередь связано с ограничениями самих производительных сил. В частности, в данном обществе — с неумением запасать, отсутствием обмена. Однако постепенно эта ограниченность производительных сил в значительной мере устраняется. Появляются те или иные способы накопления благ. В результате в охотничье-собираетельских обществах появлялся заметный излишек благ, а также и **престижные блага** (шкуры, бивни, красивое оружие, укра-

¹³ Здесь кстати отметить, что чисто по природным причинам собиратели в этом плане оказались в гораздо более выгодном положении, поскольку зерно, злаки, орехи и прочее могут храниться гораздо дольше, чем мясо, хотя их надо уметь прятать от грызунов.

шения). На поздних этапах начинают зарождаться имущественное расслоение, социальное неравенство, накопление богатств в руках отдельных людей, престижный обмен и торговля. Теперь главным становится **общественный аспект** основного противоречия. Ведь хотя уже можно производить гораздо больше, чем раньше, сложившиеся в предшествующий период и более консервативные, чем производство, отношения являются препятствием для дальнейшего развития, поскольку традиции и мораль всячески сдерживают развитие личного богатства и имущественного неравенства. В итоге возникают многие несистемные элементы и институты для охотничье-собираетельского общества, которые создают предпосылки для перехода либо к обществам высших охотников-собираателей, либо к новому (аграрно-ремесленному) принципу производства (о том и другом путях см. ниже). Таким образом, разрешаясь в каких-то частностях, ведущее противоречие создает общее несоответствие производства и общественных отношений в еще большей степени¹⁴. Ведь плотность населения растет, контакты увеличиваются, развиваются дарообмен и обмен. Если коллективы достаточно большие, начинается выделение более авторитетных и богатых людей. Теперь уже полученный статус тем или иным образом позволял увеличивать и богатство. Словом, общество уже не то, но отношения, традиции и общественная мораль всячески сдерживают развитие личного богатства, имущественного неравенства, возможности передавать богатство потомкам, право отказать в помощи и т. д. В этом и состоит обострившееся трансформированное противоречие.

Общинно-родственный тип организации примитивных обществ

В обществах охотников-собираателей связь того, что можно назвать властью, с производством была в некоторых отношениях даже заметнее, чем в обществах классовых. Это понятно, поскольку как органы власти, так и система перераспределения благ от управляемых к лицам, выполняющим функции управления, здесь обычно отсутствуют. Власть держалась на традициях возраста, а также на личных качествах и авторитете руководителя либо тесно связывалась с умением вожака обеспечить коллективу достаточно приемлемую жизнь. Последнее нередко наблюдалось также у примитивных земледельцев, особенно кочевых (см. об этом, например: Леви-Строс 1984: 170–172). Политическая сфера формировалась медленно, поскольку и концентрация населения была очень малой. Племена были намного аморфнее и одновременно меньше, чем в земледельческую эпоху. Так, у австралийцев их численность колебалась от 100 до 1500 человек, составляя в среднем 500–600 человек¹⁵. Однако они собирались вместе только в определенное время года, обычно на праздники и особые церемонии (см., например: Элькин 1952; Роуз 1981). Но у ряда охотничье-собираетельских этносов даже о таких «племенах» можно говорить лишь с огромной долей условности, и то не во всех случаях, просто из-за их малочисленности и разбросанности. Так, этнографическая группа полярных эскимосов, открытая в конце XIX в., насчитывала всего 400 человек (Файнберг 1968: 167; см. также: Фрейхен 1961). Обеспечение пищей у кочевых народов часто проходило в небольших локальных группах, состоящих из нескольких семей, иногда даже в отдельных семьях. Но базовыми единицами следует считать все же такие локальные группы, которые обычно классифицируются как общины. Эти общины можно рассматривать как родственные, то есть такие, в которых в основном жили люди, связанные между собой отношениями родства и свойства. В то же время общины обычно всегда связаны с определенной тер-

¹⁴ Для иллюстрации можно привести пример индейцев Северной Америки. Пока у них не было выючных животных, их имущество было небольшим. С момента разведения и использования лошадей объем перевозимого груза значительно увеличился. И те, у кого было мало лошадей, а значит, и мало имущества (бизоньих шкур и др.), имели низкий статус.

¹⁵ Например, 300 тысяч (по предположениям этнологов) аборигенов Австралии в конце XVIII в. образовывали от 500 до 700 племен (Берндт Р., Берндт К. 1981: 18).

риторией, и отношения совместного проживания могли быть главными (см.: Мердок 2003: 108, 94). Поэтому такие группы можно считать (при определенной подвижности их состава) все же относительно стабильными, и они «выступают первичной базой социального контроля» (Там же: 109). Таким образом, тип политической организации до появления сельского хозяйства условно можно назвать **общинно-родственным**.

Мы не говорим об этих общинах как родовых, поскольку родовые формы организации имелись не у всех охотничье-собираетельских народов, а едва ли не у меньшинства из них. Кроме того, они вообще более свойственны сельскохозяйственным, а не охотничье-собираетельским народам (см., в частности: Коротаев 2003). Но родственные общины были почти у всех доземледельческих этносов (см. об этом, например: Кабо 1986; Файнберг 1975; Бутинов 1968а; 1968б), хотя родство не обязательно четко формулировалось (Мердок 2003: 94). Оно могло существовать в самых разных формах. Община включала в себя родственников и свойственников, а нередко и некоторое количество чужаков. Род же, которому старые эволюционисты и марксисты придавали такое значение (при всех его многообразных вариациях), – это понятие особой четко структурированной кровнородственной группы, члены которой тесно связаны между собой, в том числе имущественными и иными правами и обязанностями, хотя могут проживать и не вместе; это понятие, оформленное идеологически. Род может быть небольшим, состоять из родственников, выросших в одной семье (беспредковый род, состоящий из взрослых братьев и сестер с их детьми), а может быть очень крупным, когда он превращается, по сути, в племя людей, ведущих свое происхождение от одного общего предка (предковый род).

В данных обществах могли быть постоянные руководители, но чаще это были временные лидеры, которые заслужили доверие своими достоинствами, квалификацией, делами. Однако при прочих равных условиях такими «начальниками» становились уже зрелые мужчины как по причине их большего опыта, так и в силу тех или иных привилегий и авторитета старших поколений. Особенно это было заметно у австралийцев, где у некоторых племен мужчина после инициации должен был пройти последовательно еще четыре возрастные степени, прежде чем он получит статус старшего мужчины (Белков 1993: 87).

Неравенство и основные институты. Неравенство определялось в основном по вышеуказанным линиям (различиям в родстве, поле и возрасте, а также качествам характера) и закреплялось обычаями, традициями, верованиями и авторитетом. Естественное неравенство пола и возраста усиливалось и общественным разделением труда между мужчинами и женщинами (детьми). Родственные отношения, права и обязанности, поначалу слабо выраженные, постепенно приобретали все большую роль, тем более в коллективах, где хозяйственная роль семей была высокой. Обязанности родственника, а в иных случаях и свойственника (зятя, тещи и тестя, например), были порой довольно церемониальными и обременительными.

Институт брака во многом играл центральную роль в социальном делении этих обществ. Крайне важными являлись брачные правила и запреты вступать в брак с людьми из определенных родов и групп (так называемые брачные классы). В отношении брачных обычаев, роли парной семьи, моногамии и полигамии, установленных мест поселения молодоженов (в роде жены, мужа или отдельно) имелось большое разнообразие (частично объясняющееся характером хозяйственной деятельности). При заключении брака где-то главными могли быть симпатии мужчин и женщин, где-то их не принимали во внимание и вопросы о браке решали старшие.

Половозрастные отношения очень существенны для любого охотничье-собираетельского общества, но их значение могло быть различным. В некоторых случаях доходило до сильного антагонизма между мужчинами и женщинами, между молодежью и «стариками» (то есть людьми определенного возраста). Это могло происходить в особенности там, где старшие мужчины присваивали себе основные права, а молодые люди остава-

лись неполноправными. К примеру, наличие нескольких жен у стариков многих австралийских племен создавало естественные трудности для вступления в брак молодежи. Это могло вызывать конфликты или супружеские измены. Но австралийцы среди других этнографических народов являются в этом плане исключением, а не правилом. Тем не менее как в охотничье-собираательском, так и в более развитом обществе ранних земледельцев и скотоводов холостой мужчина считался неполноправным. Поэтому вопрос женитьбы был для юноши (и его родных) важнейшим. Естественно, он резко обострялся в ситуации нехватки женщин. Несмотря на имеющееся в той или иной степени неравенство мужчин и женщин, В. В. Бочаров прав, утверждая, что мужчины обретали высокий статус в архаическом социуме только благодаря женщине. Более того, мужчина имел возможность состояться в качестве социального субъекта только посредством женщины. Так, полноправным членом социума мужчина становился лишь после заключения брака. Остаться холостяком считалось позорным (Бочаров 2011: 101).

Очень часто женщин не допускали до религиозных таинств, праздников, решения важнейших дел. Инициации (для юношей, реже – девушек), иногда исключительно жестокие – это и метод отсекаания слабых (порой недовольных), и воспитание в нужном духе, даже устрашение. Во всяком случае, это довольно эффективный способ ослабления конфликта поколений.

Общественное положение, престиж поднимали человека в глазах соплеменников, могли дать ему больше прав или привилегий в материальном плане. Но нередко это сопровождалось и увеличением количества обязанностей, требований щедрости. Такая двойственность, вообще свойственная чем-то выделяющимся людям, была весьма характерна для древнего общества. Нередко общественная должность становилась тяжким грузом, и не все ее домогались или могли выдержать (см., например: Леви-Строс 1984: 170, 171). Конечно, за престиж всегда велась определенная борьба, но она, очевидно, не слишком часто перерастала в острые формы. Ведь в обычных условиях власть была не тиранической, а привилегии – не слишком значительными. Просто для такой власти не было материальной основы. Иными словами, злоупотребления могли иметь место, но для них было мало экономических и общественных условий, а следовательно, люди меньше к ним стремились¹⁶.

Многое, разумеется, зависело от размера коллективов и формы хозяйствования. Там, где общины были большими, а охота – коллективной, неизбежно возникала определенная иерархия с более сильной властью (в виде совета старейшин, малого совета и т. п.), которая могла обладать даже зачатками аппарата принуждения (в виде групп юношей, например, под властью старшего). Заметную роль могли играть колдуны и знахари, которые обладали большой психологической и моральной властью (см., например: Кабо 2007). Но чтобы стать колдуном или знахарем, нужны были особые свойства характера и знания, которые в некоторых племенах приобретались долгими годами учебы и испытаний, специальных инициаций колдунов.

Хотя сильные характеры, выдающиеся личности в каких-то вопросах могли противопоставлять себя обществу и общественному мнению, в целом господство коллектива было достаточным. Слишком частого вмешательства персональных авторитетов не требовалось, хотя без них, конечно, не обходилось при разборе жалоб, споров, ссор. Словом, в этих обществах не было «жесткой обусловленности, всегда одинаковой реакции личности или коллектива в целом на те или иные поступки индивидов или общественные события» (Артемова 1984: 171; 2004; 2009). Жесткого регламента жизни также не было, люди в основном сами распределяли свое время, кроме того, что подпадало под запреты, цере-

¹⁶ Все меняется, когда появляются большие запасы и излишки, а значит, требуется постоянная должность для решения хозяйственных дел и споров; появляется возможность распределять больше продуктов для себя и более близких людей.

монии, обязательные дела¹⁷. Как справедливо замечал В. П. Алексеев, совершенно неправильно представлять первобытное общество как тоталитарное, с казарменной дисциплиной и всесторонним контролем за личностью. Стоит также учитывать, что особого аппарата принуждения не было. Но его успешно заменяли внимательность, любопытство и сплетни сородичей. Огромную роль играло общественное мнение. Насмешки, оскорбления, бойкот, осуждение – все это в маленьких коллективах является грозным оружием. Тем не менее в отношении серьезно провинившихся наказания подчас были строгими: изгнание, а иногда и убийство или особое колдовство, которое должно было, по мнению туземцев, умертвить приговоренного (у австралийцев это называлось «отпеть»).

Дозэкономический тип отчуждения. Охотничье-собираТЕЛЬский принцип производства и его ведущее противоречие соответствовали **дозэкономическому** типу отчуждения. Общества были в основе своей эгалитарными, с уравниТЕЛЬным уклоном, но с половозрастным неравенством. При этом труд в социальном плане не был заметно отделен от отдыха¹⁸. Речь идет именно о социальном, а не о психологическом аспекте. С одной стороны, труд еще не стал уделом социально слабых и презираемых и был достаточно почетным, с другой – праздность, когда для нее имелись условия, не воспринималась как порок.

Данный тип отчуждения мы называем **дозэкономическим** не столько потому, что экономики как таковой еще нет, сколько потому, что в нем еще нет ярко выраженной противоположности экономических и неэкономических способов распределения произведенного продукта, как это наблюдается уже в следующей формации. Также нет заметного социального и имущественного неравенства (а только половозрастное), эксплуатации, замкнутых социальных групп. Труд еще не стал уделом неравноправных.

Распределение благ в первой формации можно считать **равнообеспечивающим**, но **неравным**. Оно не было и не могло быть равным, но, по крайней мере, в идеале пищи должно было быть достаточно, чтобы накормить всех (см., например: Кабо 1986: 152; Моуэт 1963: 175; Фрейхен 1961: 14; Ковалевский 1895: 52). Для этого существовали специальные правила дележа добычи (см.: Колганов 1962; Семенов 1999; Кабо 1986; Леви-Строс 1994: 194). Они в каждом племени и даже общине могли быть особыми и зависели от разных причин (в том числе от типа хозяйствования и методов охоты, рыбной ловли). Где-то охотник получал лучшую долю, где-то – худшую. Таким образом, наиболее сильные, энергичные и удачливые люди не имели равноценной своему вкладу доли. Следовательно, можно говорить об отчуждении труда и личности производителя первобытным коллективом с помощью обычаев, традиций и запретов, требований помощи, подарков, услуг, поддержки в конфликтах родичей и соплеменников. Все это в значительной мере уменьшало стимулы или возможности членов коллектива к увеличению производства и накоплению излишков.

С началом использования лука и других способов охоты, которые позволили перейти к добыванию пищи малыми группами, существенно меняются и правила распределения в сторону большего учета «трудового вклада» (см., например: Куиличи 1969: 329). Лучшая приспособляемость и специализация обществ вела к развитию уже имевшихся половозрастных разделений труда и неравенства. Последнее часто выражалось в том, что женщинам и молодежи было запрещено употреблять некоторую (наиболее ценную, редкую или вкусную) пищу, участвовать в общественных и религиозных делах. Мужчины средних лет в каких-то обществах могли работать меньше, а получать больше, чем молодежь (Кабо 1986: 89, 122–123, 152–153 и др.). Но в целом неравенство не носило чрезмерного характера, поскольку его рост тормозился слабыми возможностями для хранения и

¹⁷ «Да, таков первейший нерушимый закон этих краев: то, что делает человек, священо, и никто не имеет права вмешиваться в его дела, за исключением таких случаев, когда действия одного человека могут представлять опасность для остальных членов общества» (Моуэт 1963: 175).

¹⁸ Поэтому выражения «труд», «трудиться», «трудова деятельность» для данного принципа производства достаточно условны.

накопления благ. По мере технических инноваций происходят изменения и в типе отчуждения, в котором появляются новые моменты: изменение правил распределения, возможность накопления престижных благ и их раздачи.

Предпосылки для перехода к новому принципу производства

На пятом и шестом этапах для нас особенно интересны народы – собиратели урожая как потенциально более прогрессивная ветвь развития. Эти народы собирали в определенный период в большом объеме урожай дикорастущих растений (одного или нескольких), складывали его на хранение, и этого основного вида пищи, заготовленного в небольшой период, им хватало на весь год или на сезон до следующего урожая. Соответственно они были более оседлыми, чем охотники и обычные собиратели, так как жили вблизи соответствующих мест произрастания нужных им растений. Такое собирательство могло быть очень продуктивным (см., например: Липс 1954; Антонов 1982: 129; Шнирельман 1989а: 295–296)¹⁹. Использовались самые разные растения: водяной рис, дикие злаки, саговая пальма, тропические плоды и корнеплоды, даже желуди. Разумеется, охота и другие виды деятельности сохраняли свое значение. Народы – собиратели урожая изобрели много орудий и приемов труда, которые позже перешли к земледельцам: серпы и жатки, зернотерки, печи и выпечку теста, емкости для хранения зерна и муки, приемы ирригации и агрономии и др. (см.: Липс 1954). Они в какой-то степени начинают ухаживать за дикорастущими растениями (например, поливать их, пропалывать сорняки и т. п.). Такие приемы известны даже охотникам (Шнирельман 1983: 183; 1989а: 365; см. также: Кабо 1980; 1986). Как уже сказано, на пятом (высокой зрелости) и особенно шестом (подготовительном) этапах охотничье-собирательского принципа производства появлялся заметный излишек благ, который можно было запастись. Излишек так или иначе приводил к появлению **престижных благ**, которые удобны в хранении и отчуждении и являлись предметами зависти, жизненных устремлений, высокого престижа. Таковыми были: шкуры, бивни, красивое оружие и одежда, украшения, лодки и т. п. Новые виды продуктов требовали и особых форм их производства, хранения, распределения, которые иногда пытались подогнать под привычные «стандарты», иногда, напротив, выводили из-под них, в любом случае это означало усиление противоречия между новыми условиями и старыми отношениями и правилами. На этих стадиях усиливается разделение труда в обществе, начинают зарождаться частная собственность, имущественное расслоение, социальное неравенство, накопление богатств в руках руководителей и удачливых людей. Изобильные места повышают плотность населения, в результате усиливаются престижный обмен и торговля, а также и войны за обладание этими территориями²⁰. А как известно, война способна быстро аккумулировать богатства, открывать путь к развитию неравенства и рабства.

Таким образом, на **шестом** этапе *несистемных явлений*, или *подготовительном* (к переходу к новому принципу производства), появляются много элементов будущего принципа производства (в данном случае аграрно-ремесленного). С одной стороны, они еще очень неустойчивы, не играют решающей роли и, если отпадает необходимость, исчезают²¹. С другой стороны, при создании определенных благоприятных обстоятельств

¹⁹ «...В Галилее в дождливый сезон дикий эммер и ячмень дают урожай 500–800 кг с га. В Турции, пользуясь орудиями древних форм, исследователи за 1 час собирали до 1 кг зерна. Они подсчитали, что семья из четырех человек за три недели такой работы могла собрать тонну зерна» (Антонов 1982: 129).

²⁰ Еще в XVIII в. один поселенец записал в своем дневнике: «...старые индейцы рассказывали... о том, что между сиу и чиппеваими происходили кровопролитные сражения за обладание этими дикими рисовыми полями» (Липс 1954: 105–106).

²¹ В. А. Шнирельман рассказывает о группах индейцев северного побережья Калифорнийского залива, у которых земледелие носило крайне примитивный и подсобный характер. Если они узнавали о большом урожае диких растений, то бросали свой и уходили к диким растениям (Шнирельман 1989а: 295–296).

общество перерастает свои возможности, а при особых условиях возникает самое примитивное сельское хозяйство.

5. Единство и различие процессов поздней первобытности

Аграрная революция и период варварства (поздней первобытности) до образования первых государств

Этот период начинается с аграрной революции. О ней мы будем подробно говорить в другом месте. А здесь скажем только о росте производительных сил этого периода кратко, чтобы было общее представление.

Начало аграрной революции датируют интервалом 12–9 тыс. л.н. Поэтому весьма условно можно говорить, что **первый** этап аграрно-ремесленного принципа производства продолжался где-то в интервале от 10,5 тыс. до 7,5 тыс. лет назад (то есть это время IX–VI тыс. до н.э.). Данный период заканчивается формированием Переднеазиатского региона земледелия, а в целом можно говорить о сложении Мир-Системы, включая и ее первые протогородские центры (о протогородах см.: Ламберг-Карловски, Саблов 1992; Массон 1989а). О первых протогородских и городках поселениях, равно как и о формировании мир-системы мы также подробно скажем в другом месте.

Второй этап условно можно датировать 8–5 тыс. лет назад (VI – середина-конец IV тыс. до н.э.), то есть до начала складывания единого государства в Египте и формирования там достаточно эффективного ирригационного хозяйства. Он включает в себя образование новых очагов земледелия, распространение из Передней Азии сельскохозяйственных культур в другие регионы. В этот период завершается domestикация мелкого рогатого скота, а также первых тягловых животных – быков. Идет активный обмен достижениями: культурами, сортами, технологиями и т.п. В этот период происходит так называемая городская революция по Г. Чайлду (Childe 1952: Chapter 7; см. также: Ламберг-Карловски, Саблов 1992; Массон 1989а; Оппенхейм 1990; Березкин 2007б). Подробнее об аграрной революции см. главу 10.

6. Некоторые общие направления изменений в ходе социальной эволюции

Периоды до аграрной и после аграрной революции сильно различаются в плане хода эволюции. С некоторого периода в ходе последней прослеживается скачкообразное общее повышение сложности на системном уровне. В итоге социальная макроэволюция существенно меняет свой «алгоритм», что значительно влияет на модификацию законов и их релевантность для разных крупных эпох. В частности, отметим, что в течение периода присваивающего принципа производства, когда крупных ароморфозов было еще мало, темпы социозволюционного процесса были относительно медленными, а направленность макроэволюции – очень нечеткой. Такой тип макроэволюции мы обозначили как социально-природный. В результате системы взаимосвязанных крупнейших социальных ароморфозов, связанных с аграрной революцией, постепенно состоялся переход от социально-природного типа макроэволюции к социально-историческому ее типу. Можно также сказать, что в результате социальная макроэволюция от «корпускулярного» типа движения переходит к системному типу.

Все это ставит серьезный вопрос: правомерно ли говорить об общих процессах, тенденциях и векторах развития социальной макроэволюции для позднепервобытной эпохи? Задача и состоит в том, чтобы показать глубинные основы такого сходства, которое можно найти если не у всех, то у абсолютного большинства позднепервобытных обществ вне зависимости от того, имеют ли формы их организации и жизни, а также изменения в них внешнее сходство с другими обществами или нет; можно ли говорить об эволюции

в отношении них или нет; правомерно ли эволюционный результат их исторического существования определить как ароморфный или нет и т. п.

В целом можно сказать, что единство процессов в разных социумах определялось тем, что аграрная революция открыла эпоху глубочайших перемен. Поэтому и общий эволюционный контекст позднепервобытного периода (так же, как и общеэволюционные причины различных позднепервобытных процессов) связан с коренными системными сдвигами, вызванными переходом от охотничье-собираательского к аграрно-ремесленному принципу производства. Эти изменения поставили перед социумами новые проблемы, которые при всем их конкретном многообразии имели общие эволюционные причины (см. об этом подробнее: Гринин 2001a, 2007z). Вот почему разнообразие форм позднепервобытных социумов можно рассматривать как вариации, образно говоря, решения одной и той же эволюционной задачи в разных экологических (природных и социальных) условиях. С учетом же заимствований и «обмена» достижениями эффект эволюционного сходства процессов, в рамках которых выделялись разные направления общего усложнения эволюционного развития (специализации, ароморфозов, укрупнения, реорганизации и т. п.), только увеличивался.

Далее мы хотели бы показать некоторые общие направления таких изменений, которые при внешних различиях обладают существенным эволюционным сходством. В первую очередь, можно сделать вывод о том, что в связи с радикальным увеличением численности и плотности населения, а также в связи с ростом размеров обществ и плотности контактов внутри них и между ними идут накопление/аккумуляция и сгущение/концентрация ряда социальных характеристик, качеств, свойств (см. подробнее: Гринин 2001a; 2007z). Поэтому старые способы структурирования обществ, взаимоотношений между его членами и старые способы установления контактов между обществами уже не могли решить всех задач, возникающих перед растущими социумами. Значит, условно говоря, перед множеством изменившихся обществ встала проблема поиска путей создания и оформления какого-то нового порядка, новых форм и способов организации и структурирования обществ и новых форм контактов между обществами. То, что реагировать на эти проблемы и объективные потребности в трансформациях и инновациях было в каком-то смысле необходимо многим или даже большинству позднепервобытных социумов, делало данные проблемы некоторым образом общеэволюционными задачами. Причем эти задачи решались (и отнюдь не всегда успешно) различными обществами очень разными путями – от широкого расселения и создания больших кластеров, так или иначе связанных между собой общин до узкой специализации; от жесткой консервации отношений до состояния, когда традиции постоянно нарушались; от сверхразвития определенных социальных отношений до полной смены системы данных отношений. С примерами мы еще познакомимся ниже (см. также, например: Коротаев 1991b, 1997a, 1999, 2000a, 2003e; Коротаев, Крадин, Лынша 2000; Гринин 2006и, 2007z; Grinin 2003, 2004a, 2004b, 2004c; Grinin *et al.* 2004; Kradin *et al.* 2000; Korotayev, Bondarenko 2000; Bondarenko, Korotayev 2000a, 2000b, 2000c, 2003).

То, что это была объективная эволюционная «задача», доказывается уже тем, что во многом сходные проблемы (и частично сходные ее решения) можно наблюдать не только у ранних земледельцев и скотоводов, но и у ряда обществ высших охотников, собирателей и рыболовов Сибири, Дальнего Востока, Камчатки, Аляски и Алеутских островов, Северо-Западной и Юго-Западной Америки, Гренландии и других территорий, о которых мы уже несколько раз упоминали (см., например: Шнирельман 1989, 1993; Townsend 1985; Аверкиева 1978a; Даунс 1978; Файнберг 1968; Фрейхен 1961; Куббель 1985). У таких народов наблюдалось сильное имущественное (а зачастую и социальное) расслоение, наличие рабов, а иногда и относительно развитые товарно-денежные отношения на базе

присваивающего хозяйства. Фактически это были уже не первобытные, а, скорее, варварские общества.

Ведущая арогенная линия макроэволюции пролегла через переход к сельскому хозяйству. Но иногда решение новых эволюционных проблем оказывалось возможным и на базе присваивающего хозяйства благодаря особой щедрости природной среды и/или особо эффективной адаптации людей к этой среде.

Развитие существенно выше обычного для данного (и вообще любого) принципа производства за счет сверхизбыточного природного (или иного) фактора – вполне объяснимое явление. Ведь объем, характер и технологии хранения относительно избыточного продукта в огромной степени определяют уровень развития общества. И раз аккумуляция значительных объемов относительно избыточного продукта оказывается возможной в рамках старых технологий, то это будет объективно подталкивать общество к частичному преодолению противоречия (см., например: Коротаев 1991а; Гринин 1995–1996, 2003а, 2007б). Но это, в конечном счете, путь в тупик, поскольку исключительные условия потому и исключительны, что они не типичны, могут исчезнуть и – главное – не способны быть предметом заимствования и распространения в других обществах. Зато переход к новому принципу производства означает создание не просто новой, но такой системы хозяйствования, которая имеет большие потенции в будущем и способна быть предметом широкого распространения и заимствования (см. подробнее: Гринин 2003а, 2007б).

Наличие ситуации вариантности при переходе от простых обществ к сложным, равно как и описываемая далее ситуация с возникновением сельского хозяйства, превосходно иллюстрирует идею, к которой мы уже возвращались не раз: на любом сложном и/или переходном этапе эволюции возникает не один и даже не два, а много вариантов развития. *Или, иными словами, эволюционно доминирующим в перспективе типам развития (равно как и доминирующим в каждом историческом периоде) всегда соответствуют их аналоги.*

Любое успешное решение указанной выше эволюционной «задачи» существенно изменяло сам «алгоритм» социальной эволюции (см. об этом Гринин, Коротаев 2007в). Но, естественно, особенно важными, в конечном счете, оказались те решения, что были ароморфными. А вместе с этим изменялись ритм, направления, механизмы макроэволюционного отбора, а также способность обществ к трансформации.

Анализ перехода от менее сложных к более сложным арогенно перспективным системам позволяет выделить важные признаки и параметры такого перехода. Однако в полном объеме такой переход просматривается только на уровне более высоком, чем отдельное общество, то есть на надобщественном уровне. Причем чем выше такой уровень, тем нагляднее видны наиболее важные и системные черты такого перехода. Поэтому именно на уровне Мир-Системы виден полный набор признаков перехода к крупному ароморфозу. Следовательно, весьма ошибочно представлять, будто в каждом обществе присутствует весь этот общеэволюционный «набор» функций и признаков. Напротив, в конкретных обществах никогда не бывает всех признаков, а присутствует лишь часть их, поскольку остальные не нужны или не сформировались. Кроме того, в конкретных социальных системах и ситуациях: а) одни явления и признаки вполне заменяют другие (например, административная власть судебную); б) одни явления и признаки делают излишними другие либо не сочетаются с ними; в) появление одних может вести к деградации других или, напротив, к появлению новых. Так, рынок может ослаблять административный контроль и аппарат; сильная аристократия препятствует появлению самодержавной власти; сосредоточение в руках монарха политической и сакральной власти способствует централизации государства; чрезмерная сакрализация монарха может ослаблять его реальную власть и т. п. (подробнее см.: Гринин 2007г).

Для понимания некоторых причин как разнообразия, так и единства позднепервобытных процессов следует учитывать выраженную тенденцию к росту размеров социальных систем в поздней первобытности. По мере разворачивания аграрной революции процесс укрупнения обществ приобретал все большую устойчивость и размах. Связи между отдельными общинами и коллективами ширились и укреплялись, шла интеграция обществ в разных видах, включая и полное объединение. Однако типы связей и преобладающие тенденции объединения не были одинаковыми (см.: Гринин 2007г). Многие общества, увеличиваясь в размерах, приобретали ярко выраженный сегментарный характер, то есть они дробились на отдельные сегменты: кланы, субкланы, линиджи, сублиниджи, различные иные группы, но над всем этим не было прочного и оформленного единства. Говоря словами Э. Дюркгейма (1991), такие общества базировались на «механической», а не «органической солидарности»²². В этих социумах в «обычное время человек мыслит и действует как член *наиболее мелких локальных групп*» (Эванс-Причард 1985: 132 [курсив наш. – Авт.]). Но и такие сегментарные общества имели объединяющие связи, которые укреплялись во время войн или общеплеменных действий. Кроме того, были и постоянные горизонтальные связи в виде тех же возрастных групп/классов (система которых, как правило, пересекала межобщинные границы [см., например: Калиновская 1976]), ритуальных объединений и др.

В каких-то случаях создавались иерархически организованные образования вроде вожеств. Но в других ситуациях нередко связи были не вертикальными иерархическими, а горизонтальными, в виде выделения определенных слоев и групп по сходным признакам и занятиям, а также по другим неиерархическим основаниям²³; в подобных случаях рост функциональной дифференциации мог и не сопровождаться увеличением степени социальной стратификации и/или политической централизации (см., например: Березкин 1994а, 1994б, 1995а, 1995б, 1997, 2000а; Бондаренко 2006; Bondarenko 2005, 2006; Гринин 2006а, 2007 г; Grinin 2003, 2004с; Коротаев, Крадин, Лынша 2000; Коротаев 2006б; Коротаев, Клименко, Прусаков 2007). Создавались разнообразные федерации (конфедерации) племен или общин. Общества могли объединяться по модели центр – периферия, но без жесткого подчинения (см., например: Коротаев, Крадин, Лынша 2000). Важным было и создание верховных должностей, даже если они еще и не имели слишком большого влияния.

В некоторых регионах распространенным механизмом установления межобщественных связей были тайные общества или союзы (см. подробнее: Гринин 2007б, 2007г). Только капитан Ф. Бетт-Томпсон описал в Западной Африке 150 таких союзов (см.: Токарев 1980: 314). Типы тайных обществ разнообразны, но многие принципы их образования и функционирования весьма похожи (Токарев 1980: 110–111; см. также: Белков 1993: 94–97). Некоторые тайные общества могли выступать в роли силы, предотвращающей вражду между крупными корпоративными группами²⁴.

Но нельзя забывать, что все большую мощь приобретали такие объединительные силы, как война, торговля, этническая и религиозная консолидация. Могла иметь значение и такая форма социальной интеграции, когда, например, элита многих мелких обществ

²² В некотором отношении синонимом «механической солидарности» будет понятие *асабиййа* (в терминологии Ибн Халдуна [Ibn Khaldun 1958, 2004] – Турчина [2007]).

²³ «Стратифицированное общество не является единственной альтернативой сегментарному. Промежуточное положение занимают общества, где власть распределена между большим количеством относительно независимых социальных институтов, организованных по родовому, территориальному или корпоративному принципу» (Новожилова 2000: 109).

²⁴ В частности, так было в некоторых районах Нигерии с конца XVII в., когда тайное общество Эгбо координировало торговую и иную деятельность крупных объединений – торговых домов, стремясь сгладить остроту соперничества между ними. Монополией Эгбо было решение торговых споров и взимание долгов (см.: Новожилова 1999: 37).

образовывала что-то вроде надсословного единства над ними, как это было у некоторых германских варварских народов, например саксов (см.: Неусыхин 1968; Колесницкий 1963). Сказанное еще раз подтверждает условность – при общеисторическом взгляде – деления на внутренние и внешние процессы, поскольку и те и другие способствовали созданию условий для увеличения обществ до необходимых для перехода к государствам (и их аналогам), а также цивилизациям размеров. В этом плане многие внешние процессы можно рассматривать как внутренние (см. Гринин, Коротаев 2007e).

Возрастает значение войн по различным мотивам, особенно с целью грабежа и обогащения. Война, кроме того, стала источником приобретения рабов или средством пополнения населения.

Вооруженные столкновения между различными группами, по-видимому, столь же стары, как и существование обществ, хотя вопрос о том, можно ли называть такие стычки охотников и собирателей между собой войнами, является дискуссионным, как, впрочем, и вопрос о причинах первобытных войн (см., например: Harris 1991; Lorenz 1966; Brown 1987; Keeley 1996; Лоренц 1994). Но хотя споры о том, были ли первобытные общества (по сравнению с цивилизованными) более мирными или, напротив, более агрессивными, являлись ли первобытные войны вполне реальными и достаточно кровопролитными или в основном ритуальными, все еще имеют место (анализ взглядов см., например: Keeley 1996), все же представляется вполне правдоподобным, что в целом (в тенденции) войны среди охотников-собирателей были несколько более редким явлением, а у ряда народов, в частности у некоторых групп эскимосов, андаманцев и др., по мнению некоторых авторов (Lesser 1968: 94), и вовсе отсутствовали. Также наблюдается взаимосвязь между экстремальными условиями существования и низким уровнем агрессивности (см.: Казанков 2002). Поэтому бродячие охотники-собиратели, которые живут в экстремальных условиях, относятся к относительно миролюбивым обществам. Говоря словами М. Харриса, любой антрополог может перечислить добрую дюжину «первобытных народов», о которых сообщается, что они никогда не вели войн (Harris 1991). Правда, таких «миролюбивых» народов и среди охотников-собирателей было меньшинство, а большинство последних, известных современным наблюдателям, практиковали определенные формы вооруженных межгрупповых столкновений, в которых отряды воинов сознательно пытались убить друг друга. В Дивале, в частности, выделил 37 таких групп (*Ibid.*). И все же среди «цивилизованных» народов вряд ли удастся назвать хотя бы три общества, о которых можно сказать, что они никогда не вели войн.

В период после начала аграрной революции и формирования варварских обществ роль войн существенно возрастает, а во многих случаях они становятся непрерывными. Этому могло способствовать, по мысли К. Р. Холлпайка, то, что варварские общества, порой вовлекаясь в военные действия, не всегда способны остановиться, так как, не имея центрального правительства, они не могут договориться о прекращении борьбы, поскольку для любой группы прекратить защищать себя означало бы самоубийство (см.: Keeley 1996). Действительно, например, длительная, продолжающаяся десятилетиями кровная месть между родовыми группами также не всегда может быть прекращена, в нее проще оказаться вовлеченным, чем выйти из этой ситуации.

Несколько факторов способствовали росту роли и ожесточенности войн. Во-первых, увеличение численности населения, во-вторых, сельскохозяйственный ритм позволяли иметь мужчинам больше времени для войны, поскольку сельским хозяйством (в отличие от охоты) могли заниматься женщины, а запасы продовольствия были на порядок выше, чем у охотничьих обществ. В-третьих, войны получили экономический смысл, так как позволяли отобрать богатство (включая и запасы еды). Таким образом, тесная связь произошедших технологических перемен (включая изобретение лука и других орудий убийства) и возрастания роли войн налицо.

Проведенный анализ процессов и направлений развития, которые объективно способствовали поиску и отбору эффективных способов новой организации обществ и

межобщественных отношений, естественно, получился очень неполным. Но, кроме этого, необходимо признать, что существуют различные основания для выделения описанных процессов. А с учетом того, что все они теснейше взаимосвязаны, условность выделения тех или иных универсальных тенденций становится тем более очевидной.

Но, с другой стороны, такая условность еще сильнее подчеркивает сделанный нами вывод, что в очень разнообразных и внешне, и по формам позднепервобытных явлениях и процессах можно найти – на определенном уровне абстракции – немало общего и даже родственного. А если они существенно сходны по своему генезису, природе и месту, то они могут при определенных условиях порождать, усиливать (ослаблять) и замещать друг друга. Кроме того, как было показано, **длительное время ни функциональная дифференциация в рамках социальных систем, ни политогенез, ни классообразование, ни другие процессы не являлись ни чем-то ясно оформленным, ни совершенно отличным от других процессов трансформации обществ.** Только постепенно в них выкристаллизовались более ясные черты социогенеза, политогенеза, генезиса цивилизаций, этногенеза и т. п. А уже затем среди этих обозначившихся процессов стали выделяться и более узкие направления, каковым были, например, процессы формирования государства или хоть как-то развитого рынка.

Каждое общество в зависимости от природных и исторических условий, многих других объективных и случайных факторов приобретало те или иные формы упорядочения внутренних и внешних отношений. Причем считаем важным подчеркнуть, что, как правило, эти формы были односторонними и неполными (с точки зрения будущего результата). В одних случаях более интенсивно шли религиозные процессы, в других – имущественное расслоение или специализация, в третьих – выделялась аристократия, в четвертых – складывались профессиональные «военные кадры». Но комплексного развития в каждом отдельном обществе, как правило, не было (подробнее см.: Гринин 2007₂). И поскольку эти новые формы были еще неполными и незрелыми, они относительно легко менялись и заменялись, а процессы перетекали друг в друга. Политическое объединение, например, могло содействовать выделению элиты, но затем интересы последней были способны разрушить единство социума. Не в последнюю очередь поэтому, например, большинство политических объединений кочевников быстро распалось. Кроме того, часто шла борьба за лидерство, а вместе с ней происходила и смена элит.

Во многих структурно усложнившихся ранних аграрно-ремесленных обществах нередко складывались отношения существенно неупорядоченного, а в некоторых отношениях просто хаотического сосуществования родовых и иных групп, корпораций, объединений, поселений и т. п. Отношения между ними регулировались либо традициями, либо сдерживающим влиянием возможных ответных действий со стороны партнера, соседа, односельчанина (см., например: Гринин 2006_в). Но когда традиции размывались, тот, кто имел силу, часто их игнорировал или толковал по-новому, приобретая тем самым преимущества и выгоды. «Достаточно было слуха, чтобы посеять панику, спровоцировать убийство или политические волнения. Заговоры и резня были делом обычным. Как только какой-нибудь правитель переставал нравиться, его свергали или казнили. Даже когда ничто не препятствовало свободному действию законов, соперничество, возникавшее между знатными людьми за получение магистратур, порождало внутренние распри, легко выливающиеся во внутренние конфликты. Нередко какому-нибудь честолюбцу приходила мысль разрушить установленный порядок в своих интересах». Эта картина жизни галлов, которую рисует Э. Тевено (2002: 137), опираясь на свидетельства Юлия Цезаря, была характерна и для ряда других находящихся в неустойчивом бифуркационном состоянии предгосударственных или аналоговых государству обществ (а также и для многих некрепких ранних государств).

С одной стороны, это открывало большие возможности для проявления инициативы, реализации заложенных в выдающихся людях потенциалов, а также для появления и распространения важных инноваций. Но с другой – настоятельно требовалась какая-то более мощная сила, которая бы хоть как-то скрепляла различные группы и ограничивала их действия, наказывая нарушителей. Особенно важным это могло быть для ремесла и торговли, где создавались большие богатства и где в процессе хозяйственной деятельности возникали сложные и не имеющие прецедентов отношения. Отсутствие сдерживающей силы среди «своих», а также нападения соседей часто создавали прямую опасность не только для имущества, но и для свободы и жизни даже у сравнительно невоинственных народов (какими были, например, ительмены), тем не менее вырезавших за недостаточное угощение на пиру весь острог (см.: Крашенинников 1948: 190). Нечего говорить о тех социумах, которые возвели набеги на соседей в ранг высшего достоинства. В целом идеи захватить соседние селения, заставить пленных работать на себя; обложить побежденных данью (см.: Carneiro 2004) и подобные им были в этот период распространены достаточно широко (хотя и отнюдь не повсеместно [см., например: Beliaev, Vondarenko, Korotayev 2001]) и нередко активно воплощались в жизнь. Такие опасности заставляли переселяться, гнали людей в укрепленные пункты (что нередко искусственно усиливало урбанизацию), вынуждали уходить под чью-то защиту, подталкивали к решению проблем своими силами путем самоорганизации (Гринин 2007c).

Таким образом, требовался новый порядок. Для решения этой задачи общества в одних случаях шли путем сакрализации некоторых руководителей; кое-где создавалась жесткая система статусных рангов; иногда путем договоров условливались подчиниться какой-то третьей стороне либо выборным людям. Так, согласно Геродоту (История I: 96–100), например, был избран правитель в Древней Мидии (см.: Дьяконов 1956: 176–180; см. об этой роли монархов в Африке также: Миллер 1984: 218–219). Во многих социумах возрастала роль того, что условно можно назвать судом и судьями. Об этом много писал, в частности, Э. Сервис (Service 1975). Кое-где в этой связи даже создавались своего рода устные своды законов с хранителями, держащими их в памяти, какими, например, в Скандинавии и Исландии были «законоговорители» (см.: Ольгейрссон 1957: 123–124; Санников 2002, 2003, 2005).

7. Вождество, племя и другие среднесложные и сложные общества

Таким образом, альтернативы социальной эволюции и проблема аналогов политантропологических моделей, бурное развитие знаний о древних обществах требует пересмотра стереотипов и отказа от жестких конструкций. Исследования последнего времени (см., например, статьи спецвыпуска журнала *Social Evolution & History*, Volume 10, Number 1, March 2011, в частности: Drennan et al. 2011; Lozny 2011; Gibson 2011; Claessen 2011; Earle 2011; Grinin, Korotayev 2011; Grinin 2011a; Carneiro, Grinin, Korotayev 2019) в разных аспектах показывают сложности использования концепции вождества при приложении его ко все более многочисленным археологическим и этноисторическим случаям. Однако попытки в связи с этим вовсе отбросить эволюционный подход и теоретические конструкции, включая и концепцию вождества (см.: Pauketat 2007, 2010), по меньшей мере опрометчивы, а фактически могут привести политическую антропологию к хаосу²⁵.

В связи с этим хотели бы подчеркнуть, что многие проблемы концепта вождества проистекают не из непригодности эволюционной теории, а из устаревших однолинейных подходов к анализу социальной эволюции. Мы считаем, что если подходить к эволюци-

²⁵ Критика подобных подходов, высказываемых, в частности, такими авторами, как Н. Йоффе (Yoffee 1993, 2005), Д. Снит (Sneath 2007) и Н. Крадин (Kradin 2011), избавляет нас от необходимости повторять ее.

онному процессу как по определению многолинейному (но не декларативно, а последовательно, так, чтобы на любом этапе эволюции предполагать наличие альтернатив ведущим типам и линиям и искать эти альтернативы), то многие проблемы принципиально оказываются решаемыми.

Поэтому в этой главе все анализируемые вопросы и в целом предложенная нами концепция аналогов вожеств рассматриваются через призму многолинейности общеэволюционных процессов. В настоящей главе речь идет прежде всего об анализе процессов и типов социальных систем периода среднесложных обществ, то есть эпохи, которая располагается между простыми обществами примитивных земледельцев-скотоводов (и некоторых высших охотников-собирателей) и сложными обществами (ранними государствами и их аналогами). (О периоде сложных обществ см. подробнее: Grinin 2009, 2011a, см. также: Korotayev et al. 2000; Grinin, Korotayev 2009b; Гринин 2011 и др.; Крадин 1991, 1995, 2001; Kradin 2011).

Мы уже неоднократно писали о том, что одинаковый уровень социополитической и культурной сложности (который позволяет разрешать одинаково трудные проблемы, стоящие перед обществами) может быть достигнут: а) в различных социополитических и социокультурных формах; б) разными эволюционными путями (см., например: Крадин, Лынша 1995; Крадин и др. 2000; Коротаев, Крадин, Лынша 2000; Bondarenko, Grinin, Korotayev 2002; Бондаренко, Гринин, Коротаев 2010; Гринин, Коротаев 2009; Grinin, Korotayev 2009a; Гринин 2007a, 2009; Grinin 2009, 2011a). При этом на каждом последующем уровне сложности системной организации можно обнаружить очевидные альтернативы данной эволюционной линии (см., например: Bondarenko, Grinin, Korotayev 2002; Grinin, Korotayev 2009a; Гринин, Коротаев 2009; Grinin 2009, 2011a; Гринин 2007a, 2009).

Наиболее активно нами были исследованы альтернативы, то есть аналоги раннего государства²⁶, о которых мы много писали (см., например: Grinin 2003, 2004b, 2007a, 2007b, 2009, 2011a; Гринин 2007a, 2007b, 2009, 2010, 2011; 2016; Гринин, Коротаев 2009; Grinin, Korotayev 2009a). В отношении исследования догосударственного периода политогенеза мы также убеждены в том, что общий вектор усложнения обществ шел, так сказать, широким эволюционным фронтом и по разным направлениям. Поэтому стадия среднесложных обществ, в которую обычно помещают прежде всего или даже исключительно только вожества²⁷, была представлена многими социополитическими типами обществ, в том числе и такими, от которых не осталось достаточных следов (см., например: Гринин 2011; Гринин, Коротаев 2009). В настоящей главе соответственно мы считаем полностью оправданным применение апробированного метода сравнения разных линий социополитической эволюции путем выделения двух моделей политий (одной, считающейся в политической антропологии эволюционно ведущей, и второй, объединяющей все разнообразные альтернативно-аналоговые варианты первой модели). Нам представляется, что такой метод является продуктивным и очень хорошо может быть использован на уровне среднесложных обществ.

Говоря о догосударственных социально-политических формах, мы имеем в виду только стадияльно (принципиально) догосударственные формы, то есть образования не выше среднего уровня социально-политической сложности (следовательно, это догосударственные политии, явно уступающие по сложности аналогам ранних государств). Однако важно, что в таких обществах численность и концентрация населения выше (часто заметно выше) тех, при которых общество организовано как совокупность персональных

²⁶ Аналогами ранних государств мы называем негосударственные политии, сравнимые с ранним государством по сложности и реализуемым функциям. К аналогам ранних государств мы относим также многие из сложных вожеств (см. указанную литературу, а также: Grinin 2011a).

²⁷ Такой – по сути, однолинейный – подход является одной из важных причин неоправданной идентификации в качестве вожеств многих альтернативных форм социально-политической организации в среднесложных обществах, как справедливо указывает Д. Г. Зданович (1997).

взаимоотношений между лично знающими друг друга людьми. А значит, в них появляются новые формы связей, контроля и лидерства. Альтернативность социальной эволюции, неодинаковый темп изменения и усложнения различных подсистем обществ, разные комбинации внешних и внутренних факторов и т. д. неизбежно вели к большому разнообразию форм догосударственных обществ и типов связей. Возникали более или менее централизованные вождества, самоуправляемые городские, полисные, храмовые и крупные сельские общины, децентрализованные безвождеские племена, различные акефальные социально-политические системы, крупные коллективы, возглавляемые авторитетными людьми, и другие формы, о которых ниже будет сказано подробнее.

Такое разнообразие форм ставит сложную задачу – найти критерий сравнения обществ. Мы считаем, что при сравнении политий нужно исходить из двух аспектов: горизонтального (стадиального) и вертикального (эволюционного). В первом случае разные формы политий определенного размера и сопоставимой сложности необходимо рассматривать как стадиально равные. Во втором случае мы выделяем среди стадиально равных более и менее эволюционно перспективные. Так, вождество с точки зрения широты распространения централизованных и персонализированных форм управления в будущем было более эволюционно перспективным, чем, например, акефальное образование. Но, во-первых, для проявления такой перспективности потребовались тысячи лет и несколько генераций типов политий, пока новые принципы не доказали своего превосходства (см. подробнее: Гринин 2011; Гринин, Коротаев 2009; Grinin, Korotayev 2009a, 2011). Во-вторых, в определенных экологических нишах эволюционно латеральные формы оказывались более жизнеспособными, чем эволюционно перспективные. В-третьих, быть эволюционно перспективным вовсе не значит иметь преимущества в конкретной исторической ситуации. Дело часто обстоит как раз наоборот.

Идея вертикального и горизонтального аспектов сравнения обществ будет продуктивна в отношении моделирования перехода к более высокому уровню сложности. Например, образование простых вождеств (по Карнейро [Carneiro 1981, 2010]) происходило вертикальным путем: от простых политий (разного рода независимых общин, автономных деревень) к среднесложным (вождествам). А, скажем, трансформация конфедераций общин в более централизованный тип политии означала переход к новой форме горизонтальным путем: то есть от среднесложных политий нецентрализованного типа к среднесложным же централизованным²⁸.

Спектр численности населения социополитических систем среднего уровня сложности очень велик: от нескольких сот человек до нескольких десятков тысяч человек. Однако более или менее централизованные или компактные образования типа простых вождеств, небольших гражданско-храмовых общин и т. п. по населению располагаются в более компактном интервале – от нескольких сот человек до нескольких тысяч. В целом мы исходим из оценки Т. Ёрла, что население вождества в пределах централизованной региональной структуры измеряется тысячами человек (Earle 1987; см. также, например: Carneiro 1981; Крадин 2001). Однако известны случаи вождеств с населением и менее одной тысячи человек. Так, население типичного простого тробриандского вождества колебалось в районе 1 тыс. человек (Johnson, Earle 2000: 267–279), соответственно, там были вождества с населением и менее одной тысячи. А вождества Новой Каледонии к середине XIX в. насчитывали от 500 до 2000 человек (Шнирельман 1988: 200). Аналогично дело обстоит на полинезийском острове Футуна, небольшие вождества которого включали от пяти до десяти деревень, а число жителей в деревне колебалось от ста до двухсот (см.: Sahlins 1972 [1958]: 85–87, 188–190).

²⁸ Анализ вертикальной и горизонтальной модели эволюционной трансформации, правда, уже на уровне перехода к государству, см.: Гринин 2011; Grinin 2009; 2011a. Статья Д. Гибсона (Gibson 2011) также дает примеры такой горизонтальной трансформации от конфедераций вождеств к государству. О соотношении горизонтального и вертикального развития см. также: Shelach 2002: 11–15.

Вожества чероки имели население в среднем порядка 400 человек (Service 1975: 140–144). Но в целом такие вождества, хотя их количество могло быть достаточно велико, имеет смысл рассматривать как минимальные, по терминологии Карнейро (Carneiro 1981), а типичные вождества – это политии с населением, исчисляемым тысячами. В связи с тем, что четкую грань между простыми и сложными вождествами установить не так легко, самый верхний предел для простых вождеств мы определяем в десять тысяч человек, исходя из того, что для такой политии даже достижение такого предела редко возможно²⁹. Территория также обычно не была слишком большой (см., например: Spencer 2000: 155–156). Конечно, размеры существенно зависят от транспортных возможностей, поэтому у скотоводов-кочевников, имевших довольно низкую плотность населения, но обеспеченных, как правило, верховыми животными, территориальные размеры простых вождеств были несравненно больше, чем у оседлых земледельцев.

Понятие аналогов вождества

Становление вождеств, как правило, означало выход на принципиально новый уровень сложности в плане развития не только политической организации общества, но и всей социальной системы. И это неизбежно ставит данный эволюционный тип среднесложных политий в особое положение. С этой точки зрения возникновение вождеств правомерно рассматривать как ведущий путь развития политогенеза. Однако – подчеркнем – это можно делать только с очень большой долей условности. Условность заключается не только в том, что ни одна форма не развивалась изолированно, а постоянно трансформировалась, в том числе под влиянием других типов обществ. Еще важнее, что большое количество, если не большинство, первичных и много вторичных и третичных ранних государств образовались на базе «городских» (полисных, гражданских, храмовых, гражданско-храмовых, торгово-ремесленных) общин, из которых только часть была вождествами. А в иных случаях ведущей организующей силой выступали другие, отличные от вождей, слои (жрецы, аристократия³⁰, олигархические группы, лидеры демократического большинства)³¹. И на уровне среднесложных обществ городской путь политогенеза был столь же, если не более, древним, как вождеский (см.: Korotayev et al. 2000; Гринин 2009; Гринин, Коротаев 2009: гл. 6; Korotayev, Grinin 2006).

Исходя из сказанного, нам представляется, что все многообразие эволюционных типов среднесложных обществ – с учетом особого эволюционного значения вождеств – имеет смысл разделить по крайней мере на два условных типа: 1) вождествоподобные политии; 2) аналоги вождеств.

Вождествоподобные политии можно было бы весьма условно определить как иерархически организованные и относительно централизованные общества средней сложности со следующими характеристиками: а) население – в интервале от нескольких сот до нескольких тысяч человек; б) обладают самостоятельностью; в) возглавляются признанным и постоянным вождем/лидером (группой лидеров), который появляется во главе социума в рамках определенных традиций или процедур, способен реально контролировать важные отношения и потоки ресурсов, имеет организованные вокруг него влиятельные группы поддержки.

²⁹ Для сравнения, например, когда сложное и крупное вождество Поухатан в Вирджинии в XVI в. находилось на пике своего могущества, его население составляло всего 13–22 тыс. человек (Rountree, Turner 1998: 266).

³⁰ Либо имелся какой-то промежуточный вариант. Так, классический «городской» путь государствогенеза имел место, например, в Западной Африке у йоруба (см.: Sellnow 1981: 309–310), но у них глава общины никогда не имел деспотической власти, зато, напротив, аристократия обладала большим влиянием и часто была способна сместить правителя (там же: 309).

³¹ Например, Д. Сандерс и Д. Вебстер (Sanders, Webster 1978: 281) утверждают, что большинство первичных государств возникло из эгалитарных обществ без образования вождеств. Хотя это утверждение и не бесспорно, но все же имеет под собой немалые основания.

Аналоги вожеств можно определить как сходные с вожествоподобными политиями по сложности, размерам и функциям социумы или пространственно организованные корпорации, не обладающие какими-то признаками первых: иерархичностью, уровнем централизации, наличием формального лидера, организованной системой контроля над ресурсами, политической самостоятельностью³² и др.

Такое разделение на вожества и аналоги:

- подчеркивает, что вожества не являлись ни единственным, ни преобладающим типом среднесложных обществ/политий, но в то же время указывает на его эволюционную важность;
- показывает многообразие эволюционных альтернатив вожествам;
- позволяет классифицировать среднесложную политику, не подходящую под определение вожества, даже если есть затруднения в том, к какому именно типу политий она должна быть отнесена.

Например, Диллон (Dillon 1990: 1) указывает, что хотя исследование нецентрализованных систем имеет долгую традицию, в литературе по данному вопросу нет единого мнения, как необходимо понимать эти системы (если они не подходят к определению вожества, заметим, дискуссионного самого по себе). С точки зрения предложенной идеи некоторые из таких нецентрализованных систем могут трактоваться как аналоги вожества.

Имеет смысл определить, какие функции выполняет вожество.

На наш взгляд, главными из них являются:

- а) объединение целого ряда общинных поселений (либо определенный объем разнородного населения) в одну структуру, в рамках которой отношения между поселениями и индивидами существенно более плотные, чем между членами и не членами данной политии/кластера политий;
- б) способность регулировать внутренние отношения в рамках этой единой структуры;
- в) способность выступать как единое целое в отношениях с внешними силами;
- г) способность мобилизовывать население на совместные акции.

Важно отметить, что практически все нижеприведенные аналоги вожеств в той или иной, но в целом удовлетворительной мере были способны реализовывать данные функции в рамках объемов населения и территории, характерных для среднесложных обществ. (Интересные сравнения в отношении реализуемых функций между акефальными безвождескими образованиями народности конкомба и централизованными вожествами народности нанумба в северной Гане приводит П. Скальник [Skalnik 2011: 65]).

Некоторые формы аналогов вожества

Очень условно аналоги вожеств можно было бы разделить на поселенческие и корпоративные типы. При этом поселенческие аналоги в свою очередь можно разделить на однопоселенческие и многопоселенческие. Последние – в отличие от вожеств – объединены не вертикальными, а горизонтальными связями. Однако для удобства изложения мы рассматриваем в качестве равноправных таксонов все три выделенных типа:

1. Однопоселенческие аналоги (полития связана с одним поселением).
2. Многопоселенческие горизонтально объединенные аналоги.
3. Корпоративные аналоги.

Племена. Понятие племени (это признают многие исследователи) очень нечетко и многозначно, так как племенем могут называть и небольшую группу в десять-двадцать человек, и крупные негосударственные народы в сотни тысяч и миллионы человек (см. об этом, например: Fried 1967, 1975; Vansina 1999; Claessen 2011; Khoury, Kostiner 1990; Tapper 1983, 1990; Malinowski 1947: 252–261; Бромлей 1982; Шнирельман 1982; Гиренко

³² Последнее относится к отдельным формам аналогов вожеств, таких как некоторые корпорации и др. (см. ниже).

1991; Куббель 1988б; Ольдерогге 1977; Следзевский 1991; Тишков 1990; п'Битек 1979: 27–32; Helm 1967; Grinin 2007b, 2011a: 143–144; Korotayev 2000a, 2000b; 2020a; Коротаев 2006: 18, 114–120; Grinin, Korotayev 2009a, 2009b; Гринин, Коротаев 2009). И это создает сильное противоречие между имплицитно предполагаемым смыслом и накопившимся в науке материалом.

Наш подход в рамках темы главы заключается в том, что далеко не все, но по крайней мере некоторые формы племен (если говорить о племени в политическом смысле) можно рассматривать как аналог вождества. При этом представляется, что не только вторичное племя, но племя в раннеаграрных среднесложных обществах вполне может рассматриваться как аналог вождества³³ (учитывая, что и те и другие существенно эволюционировали). В рамках настоящей главы отсутствует возможность остановиться на проблеме сравнения вождества и племени как аналога вождества (о племени как аналоге вождества см. подробнее: Grinin, Korotayev 2011; см. также: Коротаев 2000; Korotayev 2000a, 2000b; Grinin 2011b). Но заметим, что во многих случаях точнее говорить не о племенах, а о “племенеподобных” политиях (см., например: Cremer 2001: 55).

Обычно вождество включало в себя несколько поселений, но иногда вождество образовывалось в одном (крупном) поселении, в котором были представлены разные кланы. Примером могут служить индейцы чероки (территория штата Оклахома на юге США). В начале XVIII в. при общем населении в пределах от 10 до 20 тыс. человек они образовывали от 30 до 40 поселков. В каждом проживало в среднем 400 человек, представлявших все семь черокских родов. Каждая такая община была независимой и возглавлялась вождем-первосвященником, власть которого основывалась на его авторитете и ограничивалась советом представителей родов (Service 1975: 140–144).

Нередко одно племя могло быть разбито на два и более вождеств или, наоборот, вождество включало в себя более чем одно племя. Нередким был случай, когда имелось сразу два вождя, например мирный и военный, или вожди правили только часть года по очереди (см., например: Гуляев 1976: 201). У тех же чероки помимо мирного сакрального вождя был и военный. Причем по мере развития общества между ними усилился антагонизм. И в результате в конце XVIII в. в период войны за независимость США среди чероки произошел раскол (Service 1975: 145–146).

Иными словами, типы политий, во главе которых стоял вождь (вожди), очень сильно различались. На одном полюсе этого типа политий – самовластный вождь, способный накладывать табу на все что угодно, карать и миловать подчиненных, с непререкаемым сакральным и иным авторитетом и твердо установившейся традицией передачи власти по наследству. Но такие вожди были обычно в сложных вождествах вроде гавайских (Service 1962; 1975; Earle 2011; Grinin 2011a). На другом полюсе – вожди, подобные вождям канадских индейцев *кри*, вся сила которых сосредотачивалась «на кончике их языка» (Service 1975: 51), то есть которые могли лишь с помощью красноречия убедить в чем-то соплеменников. В одних случаях наследование шло от отца к сыну, в других – вождя выбирали, а если у сына и были преимущества, то он должен был их доказывать. В связи с этим часто сыновья должны были совершить какие-то выдающиеся деяния, так как предполагалось, что будущий лидер – это тот, кто лучше других мог физически и психологически пройти испытания (см.: Калинина 2011: 66). Именно поэтому, по древнегреческой легенде, Язон отправился за золотым руном, чтобы стать правителем города Иолка, хотя имел на это законное право. У тунгусов (как, впрочем, и у многих других народов) выбирали не только военного и хозяйственного вождя, но и главного шамана – на общем собрании рода *сухлэн* из числа самых «удачливых» и заслуживающих уважения членов рода (Савинов 2011: 70). При этом перед избранием будущий военный вождь

³³ А в ряде случаев крупные и прочные группы (союзы) племен можно уже рассматривать как аналоги ранних государств (примеры см.: Grinin 2007a, 2007b, 2011a: 254–256).

проходил очень жесткие испытания (в два этапа). Сначала он должен был перепрыгивать через натянутый между деревьями аркан и одновременно увертываться от стрел, выдерживать осаду в чуме, рубиться на мечах, бежать от преследования на дне лодки и верхом на олене. На втором этапе то же самое надо было уметь делать с завязанными глазами: в частности, по звуку узнать направление полета стрелы, рубиться на мечах вслепую и т. д. (Там же: 71). Где-то для того, чтобы быть вождем, могло быть недостаточно только личных качеств (силы, смелости, удачливости), требовалось еще и лидерство в плане богатства и сакральной силы (см., например: Марсадолов 2011).

В одних случаях народ был полностью отстранен от участия в общих делах, в других он был активным участником³⁴. Также различной была и структура управления. В частности, со времен Л. Моргана и Ф. Энгельса разрабатывалось понятие военной демократии (в советской науке ему уделялось большое внимание). Но такая система означает наличие народного собрания, совета и вождя, тогда как в строго трактуемом вождестве никакого собрания и совета нет, а есть вождь и его окружение. Неудивительно, что одни исследователи считают военную демократию вождеством, а другие – нет (см.: Крадин 1995б).

В пользу вождя выполнялись некоторые повинности, ему делали подарки. В простых вождествах повинности и обязанности в отношении вождя обычно были не тяжелыми. Мало того, вождь и сам должен был постоянно что-то раздавать своему «народу». Впрочем, утяжеление повинностей приводило к тому, что этот «народ» мог просто разбежаться. Достаточно обременительные или в самом деле тяжелые повинности могли существовать в крупных и сложных вождествах, которые, мы считаем, следует рассматривать уже как аналоги ранних государств. Вождь также мог сосредотачивать в своих руках торговлю или другие престижные занятия. Люди часто верили, что такой вождь обладает особой сакральной силой.

Вождество ретроспективно можно считать магистральным путем развития политогенеза. Это был огромный шаг вперед в плане развития не только политической организации общества, но и всей социальной эволюции. Однако правомерно рассматривать многие племена не как предшествующую вождеству ступень, а как реальную его альтернативу, как аналоги простого, а в некоторых случаях и сложного вождества (см., например: Крадин 1995а; Коротаев 1995а; Березкин 1995а; 2000; Гринин, Коротаев 2009а; 2012; 2013а; Grinin, Korotayev 2011). Но следует помнить о расплывчатости понятия «племя» (Гринин 2011а; Grinin, Korotayev 2011; Гринин, Коротаев 2012; 2013а).

По мере развития производства, обмена и увеличения плотности населения возникали и более крупные поселки, в которых жили многие сотни, иногда – тысячи человек (см., например: Александренков 1976: 145; Шаглай и др. 1977: 12). Возникали и города, хотя это достаточно неопределенное понятие для древних эпох (Гуляев 1977; Кирчо 1977). Во главе такого «города» мог стоять вождь, князь или «царь», но большую роль играли органы самоуправления, вроде древнерусского веча; были также и полностью демократические самоуправяемые общины. Словом, существовало большое разнообразие форм (см. подробнее: Гринин, Коротаев 2009а: гл. 6). При этом далеко не все определялось рельефом местности или типом хозяйства. В одном и том же регионе у этнически родственных племен рядом сосуществовали и классические вождества, где волю вождя воспринимали как закон, и поселения с демократическим самоуправлением старших членов общины. Так было, например, среди упомянутых выше нага в Индии (см.: Маретина 1995; см. также о народах Кавказа: Карпов 2011).

В обществах, где аграрная революция завершилась или были достигнуты аналогичные ей результаты, в итоге завоеваний или по другим причинам вождества объединя-

³⁴ В горных обществах последнее было более распространено по причинам менее развитой иерархии и большей независимости горцев (см. о народах Кавказа, например: Карпов 2011).

лись, образуя так называемые **сложные вожества** с населением порой в десятки тысяч человек. В некоторых вожествах объединялось до ста населенных пунктов (см., например: Карнейро 2000: 90; Александренков 1976: 141; Гринин 2011а; Grinin 2011а; Grinin, Korotayev 2011). Верховные вожди здесь все более напоминали царей и королей. В результате их деятельности по аккумуляции благ закладывался материальный базис, без которого государство не могло возникнуть. Но и у таких вожеств могли быть аналоги. Ими были крупные конфедерации или федерации племен. Нередко, однако, низовая структура представляла своего рода вожество, а верхняя – совет племени без постоянного лидера (совет вождей или старейшин). Такова была структура племен у ряда индейских народов. Такой же в общем она была и у ирокезских племен, где родовые коллективы возглавляли родовые старейшины (сахемы), входившие в совет племени. Но в ирокезской конфедерации был еще высший уровень управления – совет Лиги, где были представлены родовые вожди каждого племени (общей численностью 50 человек [см.: Фентон 1978: 122]) и где требовалось единодушие при принятии решений. Но были и конфедерации безвождеских общин или с чисто номинальной властью вождя, в том числе у горцев (см., например: Агларов 1988; Коротаев 1995б; Гринин 2011а).

В вожествах появлялись формальные лидеры-вожди, в аналогах вожеств (и даже в стадияльно предшествующих им образованиях типа бигменских общин) выделялись неформальные лидеры по самым разным направлениям: военному, сакральному и магическому, торговому и ремесленному. Часто такой лидер и тем более вождь в вожестве выполняли целый комплекс обязанностей или ролей: сакральную, организаторскую, торговую и т. п. (Белков 2000; Service 1975: 87). Лидерство обязательно связано с появлением группы сторонников, соратников, приспешников, помощников, поддерживающих лидера нахлебников, слуг и т. п. Эти группы формировались из соплеменников и примкнувших из других коллективов искателей легкой жизни или приключений, родственников, наемников, рабов. Нередко формировались военные дружины. Так зарождался будущий военный и административный аппарат, начиналось отделение власти от населения. Во многих негосударственных обществах (и долгое время в государствах) была распространена система «патрон – клиент» (см., например: Service 1975: 82), которая заключалась в том, что вокруг лидера, господина, покровителя, собственника, аристократа – патрона возникал круг в разной степени зависимых от него людей (нуждающихся в защите, переселенцев, арендаторов, должников и т. п.) – клиентов.